

A watercolor-style portrait of a woman with long, dark hair blowing in the wind. She is wearing a large, dark hat and dark sunglasses. The background is a textured, layered watercolor wash of warm tones like orange, yellow, and brown, with some cooler green and blue tones. The overall mood is artistic and evocative.

ЕМЦЕВА

АЛЬБИНА

КУДА ВЕДЕТ

ЗАПАХ

СВОБОДЫ

Альбина Емцева

Куда ведёт запах свободы

<https://litres.ru/73800997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оставь всё позади, чтобы найти себя.

У Вайолет есть всё: успешная карьера, идеальная квартира и «правильные» отношения. Но однажды ночью, глядя в белоснежный потолок своей спальни, она понимает, что живёт чужую жизнь. Предательство близкого человека становится точкой невозврата. Героиня бросает Дублин, престижную работу и привычный мир, чтобы отправиться в одиночное путешествие по дикой природе Ирландии и Шотландии.

Это история не о бегстве, а о возвращении к себе. Сквозь встречи с простыми людьми, потерю самого дорогого и исцеляющую тишину гор, Вайолет предстоит заново научиться доверять, любить и, главное, понять, что для счастья не нужно заслуживать чьего-то одобрения.

Альбина Емцева

Куда ведёт запах свободы

Глава 1. Иллюзия полёта

Пятница, семь вечера, Дублин.

Город в этот час похож на огромный живой организм, который медленно просыпается после дневной спячки. Офисы выдыхают уставших людей, бары распахивают двери, и воздух наполняется гулом голосов, звоном бокалов и запахом жареного лука с киосков с хот-догами. Огни загораются тысячами глаз — жёлтых, белых, неоновых-синих, — и город начинает свою ночную игру.

Вайолет вышла из такси у дорогого ресторана в самом сердце Темпл-Бар. Каблуки туфель цокнули по влажному после дождя булыжнику — короткий, резкий звук, который утонул в общем шуме. Она поправила сумку на плече и на секунду задержалась, разглядывая своё отражение в стеклянной витрине соседнего магазина.

Тёмное шёлковое платье облегалo фигуру так, будто было сшито на неё. Она купила его два дня назад в бутике на Графтон-стрит — спонтанно, потому что в шкафу не нашлось ничего "достаточно красивого" для пятничного ужина с друзьями. Странно: шкаф ломился от вещей, но каждый раз, открывая его, она чувствовала лёгкую панику. Пустота среди изобилия.

Волосы мягкими волнами спадали на плечи — пару часов в салоне, записанные за неделю, потому что "пора бы обновить цвет, Вайолет, ты же лицо компании". Макияж сдержанный, дорогой, тот самый, что рекомендуют визажисты в инстаграме: тон, будто вторая кожа, губы чуть тронутые розовым, глаза подчёркнутые, но не кричащие.

Она выглядела именно так, как должна выглядеть женщина в тридцать пять, у которой всё в порядке. Которая знает себе цену. Которая пьёт правильное вино, носит правильную одежду и улыбается правильной улыбкой.

Вайолет улыбнулась своему отражению и вошла внутрь.

Ресторан назывался "Винтовая лестница". Вайолет любила это место. Оно располагалось в старом здании на набережной, с видом на реку Лиффи, и внутри пахло деревом, книгами и дорогими духами посетителей. Стены были выложены тёмным кирпичом, на полках теснились потрёпанные тома, а в воздухе витал аромат устриц и трюфельного масла.

Зал гудел приглушённым разногласьем. За столиками сидели люди, которые, как и Вайолет, пришли сюда не столько есть, сколько быть увиденными, быть частью этого мира, быть теми, у кого "всё хорошо".

Она сразу заметила свою компанию в глубине зала, Клэр махала рукой, подпрыгивая на стуле, как нетерпеливый ребёнок.

— Вайолет! Иди к нам! — крикнула она, не заботясь о том, что на них оборачиваются.

Вайолет улыбнулась, помахала в ответ и направилась к столику. По пути её окликнули ещё двое знакомых — Марк из IT-стартапа и Линда, с которой они вместе ходили на йогу. Вайолет кивнула, бросила пару фраз, пообещала подойти позже. Здесь все её знали. Здесь она была своей. Здесь маска успешности сидела идеально.

— Наконец-то! — Клэр чмокнула её в щеку, когда Вайолет опустилась на свободный стул. От Клэр пахло духами "Ланком" и лёгкой паникой, которая всегда сквозила в её глазах, даже когда она улыбалась. — Ты выглядишь потрясающе. Это платье новое?

— Старое, — соврала Вайолет легко и привычно.

— Врёшь, — Клэр прищурилась, но тут же переключилась: — Ты не представляешь, что случилось!

И понеслось. Клэр говорила быстро, захлёбываясь словами, жестикулируя так, что едва не опрокинула бокал с вином. История была стандартной: парень, с которым она встречалась последние полгода, оказался женат. Клэр узнала случайно, увидела фото в телефоне, и теперь не знала, что делать.

— Я же люблю его, понимаешь? — Клэр смотрела на неё глазами, полными слёз. — А он говорит, что разведётся, что ему нужна только я. Но я не знаю, верить ли.

Вайолет слушала. Кивала. Говорила правильные слова: что она достойна лучшего, что нельзя ждать, что нужно думать о себе. Клэр слушала, но не слышала — она хотела, что-

бы ей сказали то, что она хочет услышать: что всё будет хорошо, что он разведётся, что любовь всё победит.

Вайолет знала этот танец. Она танцевала его сотни раз. С подругами, с коллегами, с мужчинами. Ты даёшь им то, что они хотят, и они называют это дружбой, а иногда даже любовью.

— ...а ты как, Вайолет? — вдруг спросила Линда, сидевшая напротив. — У тебя всё хорошо? Ты какая-то тихая сегодня.

Вайолет моргнула, возвращаясь в реальность. Линда смотрела на неё с лёгким беспокойством — или ей только казалось?

— Всё отлично, — улыбнулась Вайолет. — Просто за день устала. Работа.

— Ой, работа, — Линда махнула рукой. — Ты всегда работаешь. Расслабься, выпей, мы же отдыхаем!

Вайолет послушно взяла бокал и сделала глоток. Вино было терпким, с долгим послевкусием — "Шатонэф-дю-Пап" урожая 2017 года, она заказала его сама, потому что знала, что это произведёт впечатление. Она вообще многое знала о том, что производит впечатление. Вкус, стиль, манеры всё это было выучено, отрепетировано, отточено до автоматизма.

Она не помнила, когда в последний раз делала что-то просто так, без оглядки на то, как это будет выглядеть со стороны.

После ужина компания переместилась в бар на крыше отеля "The Marker". Это было модное место с панорамным видом на город, куда просто так не попасть, где нужно или знать кого-то, или быть кем-то. Вайолет была кем-то. Вернее, она выглядела как кто-то, и этого хватало.

Лифт поднял их на седьмой этаж, двери открылись, и Дублин раскинулся внизу, как на ладони. Огни дрожали в холодном воздухе, река Лиффи извивалась чёрной лентой, мосты перекинулись арками, унизанные жемчугом фонарей. Вдалеке угадывались огни порта, и казалось, что город дышит — медленно, глубоко, равнодушно.

Вайолет вышла на террасу, облокотилась на ограждение. Ветер трепал волосы, приносил запах реки и выхлопных газов. Она смотрела вниз, на бесконечную вереницу машин, на людей-муравьёв, спешащих по своим делам, и чувствовала странное головокружение.

Город был огромен. Город был прекрасен.

— Красивый вид, правда?

Она обернулась. Рядом стоял мужчина в дорогом костюме, уверенная улыбка, лёгкий загар, который бывает либо после отпуска на Мальдивах, либо после курса солярия. Таких много в этом баре. Они приходят сюда, чтобы быть увиденными, чтобы найти себе подобных, чтобы подтвердить свой статус.

— Красивый, — согласилась Вайолет.

— Я Шон, — он протянул руку. — Простите, не мог не

подойти. Вы здесь с компанией или одна?

— С друзьями, — она кивнула в сторону столика, где Клэр уже строила ей глазки и подмигивала.

— Повезло вашим друзьям, — улыбнулся Шон. — А вы чем занимаетесь, Вайолет?

Она назвала компанию, должность, пару проектов. Он слушал с неподдельным интересом или хорошо притворялся. Рассказал о себе: финансы, Лондон, Дублин, снова Лондон. Разговор тёк легко, как по маслу. Вайолет знала все эти темы: работа, путешествия, рестораны, последние новости. Она могла поддерживать такой разговор с закрытыми глазами.

Через полчаса он принёс ей ещё один бокал и оставил визитку. "Позвоните, если захотите продолжить знакомство".

Вайолет сунула карточку в сумочку, даже не взглянув на неё. Красивый, успешный, уверенный такие были, есть и будут. Они появлялись в её жизни, как картинки в калейдоскопе, складывались в узор и рассыпались при следующем повороте.

Она вернулась к столику. Клэр набросилась на неё с расспросами, Линда подливала вино, Марк рассказывал очередную историю о том, как его стартап купят за миллионы. Вайолет улыбалась, слушала, кивала. Она была частью этого. Она была своей.

Она поймала такси около полуночи.

Дорога домой заняла пятнадцать минут. Вайолет сидела

на заднем сиденье, прижавшись щекой к прохладному стеклу, и смотрела, как проплывают мимо огни. Город мелькал витринами, вывесками.

Водитель молчал и спасибо ему за это. Иногда молчание лучше любых разговоров.

Такси остановилось у её дома в старом районе, с консьержем, подземной парковкой и панорамными окнами. Вайолет расплатилась, вышла, кивнула охраннику и поднялась на четвёртый этаж.

Квартира встретила её тишиной. Не той тишиной, которая бывает уютной, когда возвращаешься домой после долгого дня и выдыхаешь. А другой — плотной, тягучей, как патока. Она заполняла собой всё пространство: гостиную с дизайнерским диваном и белыми стенами, спальню с огромной кроватью и видом на реку, кухню, где на столешнице стояла кофемашина за три тысячи евро, которой она пользовалась раз в неделю.

Вайолет прошла в гостиную, не включая свет. Панорамные окна выходили на город, и его огни проникали внутрь, рисуя на полу причудливые тени. Она опустилась на диван прямо в платье, в туфлях, с сумочкой на плече и легла, глядя в потолок.

Потолок был белым. Идеально белым, без единой трещинки. Она специально выбирала такую краску, когда делала ремонт. "Матовый, без блеска, — сказала она дизайнеру. — Чтобы успокаивало".

Оно не успокаивало.

Час. Два. Телефон пискнул — Клэр:

"Ты как? Добралась? Спасибо за вечер, ты чудо!"

Вайолет взяла телефон, набрала ответ: "Да, всё хорошо. Спокойной ночи".

Ещё одно сообщение. Дэвид: "Привет! Как прошёл вечер? Соскучился".

Она посмотрела на экран. Дэвид. Три месяца. Хороший мужчина. Внимательный. Заботливый. Не лезет в душу. Идеальные отношения для занятой женщины. Она должна быть счастлива.

"Всё отлично. Только устала. Завтра созвонимся?" — ответила она.

"Конечно. Отдыхай. Целую".

Она отложила телефон и снова уставилась в потолок.

"У меня всё хорошо", — подумала она. — "У меня есть всё, о чём можно мечтать".

И почти поверила.

Утром её разбудил звонок.

Она не сразу поняла, где находится. Белый потолок, свет из окна, тяжёлая голова — она так и уснула на диване, не раздеваясь. Платье измялось, волосы растрепались, макияж размазался по подушке.

Телефон надрылся на журнальном столике. Вайолет потянулась, глянула на экран и вздохнула.

Мать.

Она взяла трубку, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Вайолет, — голос матери был сухим, как старая бумага.

— Ты почему не звонила? Я волновалась.

— Привет, мам. Прости. Была занята.

— Занята, — мать фыркнула. — Вечно ты занята. Работа, встречи, друзья. А о матери подумать? Я тут не молодею.

Вайолет молчала. Любой ответ был бы неправильным.

— Ты там одна всё ещё? — продолжала мать, и в этом "всё ещё" помещались годы упреков. — С кем встречаешься? Есть кто-то серьёзный?

— Есть, мам. Дэвид. Я рассказывала.

— Дэвид, — мать произнесла имя так, будто пробовала его на вкус. — А кто он? Чем занимается? Женат был? Дети есть? Сколько зарабатывает?

Вайолет коротко ответила. Дэвид, разведён, детей нет, работает в финансах, зарабатывает хорошо. Всё, как положено.

— Ну, — протянула мать, — смотри. Тебе уже не двадцать лет. Пора бы замуж, детей рожать. А то останешься одна, с ипотекой этой своей, и никому не нужна будешь.

— Мам, у меня всё хорошо.

— Хорошо, — фыркнула мать. — Ты всегда так говоришь. А сама вон, наверное, ночами не спишь, переживаешь. Я же мать, я чувствую.

Вайолет закрыла глаза. В висках за пульсировало.

— Мам, давай не сейчас. Я ещё не проснулась.

— Не проснулась она, — мать вздохнула, и в этом вздо-

хе было столько всего: разочарование, усталость, привычная безнадежность. — Ладно, спи. Я позвоню на неделе. И передай этому своему Дэвиду, что мать невесты ждёт с ним знакомства.

Короткие гудки.

Вайолет отложила телефон и долго лежала, глядя в тот же белый потолок. Только теперь свет был дневным, и на потолке играли блики от реки.

Она думала о матери. О Дэвиде. О вчерашнем вечере. О Шоне из бара. О Клэр, которая считает её лучшей подругой. О том, что у неё есть всё. Наверно...

"Это просто усталость", — сказала она себе. — "Просто нужно отдохнуть. Выспаться. Сходить в спа. Взять отпуск. Всё наладится".

Она встала, налила себе кофе и села у окна. Город просыпался: по набережной бежали люди в спортивной одежде, собаки выгуливали хозяев, открывались кафе, и откуда-то тянуло свежей выпечкой.

Обычное субботнее утро. Обычная жизнь. Успешная, наполненная, правильная по меркам мегаполиса.

Вайолет смотрела на город и чувствовала, как внутри неё растёт что-то холодное и липкое. Она не могла назвать это грустью или тоской. Скорее, это было похоже на ощущение, что она живёт не свою жизнь. Что где-то там, за этим окном, есть настоящая Вайолет та, которая знает, чего хочет, которая смеётся по-настоящему, которая любит без оглядки. А

она просто играет её роль.

Но это же глупости. Она взрослая женщина, у неё хорошая работа, отличная квартира, друзья, мужчины. Всё, о чём можно мечтать.

Она допила кофе и полезла в телефон проверить почту.

Письмо от банка с напоминание об ипотечном платеже. Двадцать восьмое число. Каждый месяц. Ещё двадцать восемь лет.

Вайолет вздохнула и перевела деньги. Потом записалась в спа на вечер. Потом написала Клэр, что придёт на её вечеринку в следующие выходные. Потом Дэвиду, что сегодня вечером свободна.

Жизнь шла своим чередом.

Глава 2. Вкус успеха

Сентябрь в Дублине — это особое время.

Лето уже ушло, но город не спешит погружаться в привычную осеннюю хандру. Воздух прозрачен и свеж, солнце ещё греет, но уже не печёт, и листья на деревьях вдоль Гранд-Канала начинают желтеть — сначала робко, по одному, а потом всё смелее, пока однажды утром не просыпаешься в золоте.

Вайолет любила сентябрь. В детстве, в том сером городке на севере Англии, сентябрь означал начало учебного года, а значит — возможность стать невидимой среди новых лиц, пока они ещё не успели запомнить, какая она "скучная" и "тихая". Теперь сентябрь означал другое: новые проекты,

новые цели, новый виток той самой жизни, которую она построила.

В это утро первого сентября она проснулась не от звонка будильника, а от собственного внутреннего толчка. Тело требовало движения, голова была ясной, и ещё до того, как открыть глаза, она знала: сегодня случится что-то важное.

Вайолет улыбнулась. Редкое чувство — просыпаться с улыбкой.

Она встала, прошла босиком по холодному полу в кухню, включила кофемашину. Город за окном купался в утреннем свете, река блестела, как жидкое серебро, и даже вечные дублинские чайки сегодня кричали как-то по-особенному — бодро, жизнеутверждающе.

Телефон пискнул. Сообщение от Дэвида: "С добрым утром, красавица. Удачного дня! Сегодня твой день, я чувствую".

Она улыбнулась и ответила: "Спасибо. Посмотрим".

Потом ещё одно — от Клэр: "Девочка, сегодня пятница! Вечером отмечаем твою победу? Я уже заказала столик в новом месте, говорят, там божественно!"

Вайолет рассмеялась. Клэр всегда всё решала за неё, и это почему-то не раздражало, а умиляло. Кто-то же должен брать на себя организацию, пока она занята работой.

— Посмотрим, — повторила она вслух, но уже знала: вечером они пойдут в это новое место, и будет весело, и она снова будет улыбаться, и всё будет правильно.

Она оделась тщательнее обычного. Сегодня важный день. Сегодня совет директоров, и её отдел представляет итоги квартала. Она готовила эту презентацию три недели, ночами, выходными, урывками между текучкой. Вайолет знала: от того, как она сегодня выступит, зависит не просто её репутация. Зависит то, заметят ли её наконец те, кто принимает решения.

Она посмотрела на себя в зеркало в прихожей. Строгий тёмно-синий костюм, белая блузка, волосы убраны в гладкий пучок. Минимум украшений — только тонкие серьги-гвоздики и часы, которые она купила себе на прошлый день рождения, когда получила первую крупную премию.

"Ты выглядишь как человек, который знает, чего хочет", — сказала она своему отражению.

Отражение согласно кивнуло.

Офис встретил её привычным гулом. Опен-спейс уже жил своей жизнью: кто-то гремел кружками в кухне, кто-то обсуждал вчерашний матч, кто-то торопливо допивал кофе перед летучкой.

— Вайолет! — окликнул её Тим из маркетинга, тот самый, которому она помогала на прошлой неделе. — Слушай, ты сегодня с утра к Бреннану? Если что, я к тебе забегу после обеда, ок?

— Зачем? — спросила она, не останавливаясь.

— Да там отчёт по третьему кварталу, я не успеваю. Ты ж гений, поможешь?

Вайолет остановилась и медленно повернулась к нему. Тим стоял с привычной нахальной улыбкой, уверенный, что сейчас получит своё.

— Тим, — сказала она спокойно, — сегодня совет директоров. У меня презентация. Я не спала три ночи, готовилась. И ты хочешь, чтобы я после этого делала твой отчёт?

— Ну... — Тим слегка стушевался. — Ты же всегда помогаешь...

— Всегда, — кивнула Вайолет. — Но не сегодня.

Она развернулась и пошла к своему столу, чувствуя спиной его удивлённый взгляд. Сердце колотилось, но не от страха — от странного, почти забытого возбуждения. Она только что сказала "нет". И это было... приятно.

За своим столом она включила компьютер, открыла презентацию и в сотый раз пробежала глазами слайды. Цифры, графики, прогнозы — всё было идеально. Она знала каждый пункт, каждый процент, каждую запятую. Эта презентация была не просто работой. Это была она.

— Вайолет, — над ухом раздался голос мистера Бреннана. — Зайди ко мне на минуту. Прямо сейчас.

Она обернулась. Начальник стоял с непривычно серьёзным лицом. Вайолет похолодела. Неужели что-то пошло не так? Неужели она что-то упустила?

Она встала и прошла за ним в кабинет. Бреннан закрыл дверь — это был плохой знак.

— Присаживайся, — он указал на стул. Сам сел напротив

и посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

Вайолет молчала, сцепив руки под столом, чтобы не дрожали.

— Вайолет, — начал Бреннан, и голос его звучал торжественно, — я хочу тебе кое-что сказать до того, как это объявят официально.

У неё ёкнуло сердце.

— Ты знаешь, я работаю здесь двадцать лет, — продолжал он. — Видел много сотрудников. Хороших, плохих, гениальных, никаких. Но таких, как ты, — единицы.

Вайолет замерла.

— Твой проект по "Глобал Индастриз" выиграл тендер. Но это ты и так знаешь. Что ты не знаешь: совет директоров единогласно проголосовал за то, чтобы выдвинуть тебя на премию "Лучший сотрудник года" по всему европейскому дивизиону.

У Вайолет перехватило дыхание.

— И это ещё не всё, — Бреннан улыбнулся впервые за всё время разговора. — Через две недели в Лондоне проходит международная конференция по финансам. Основной спикер от нашей компании... будешь ты.

— Я? — выдохнула Вайолет.

— Ты. Тема: "Инновационные подходы в управлении проектами в условиях нестабильности".

Будешь рассказывать о своём опыте. Триста участников, топ-менеджеры из пятнадцати стран, пресса. Как тебе?

Вайолет смотрела на него и не верила. Конференция. Спикер. Триста человек. Пресса. Это было то, о чём она даже не мечтала. Это был прыжок на новый уровень.

— Я... — голос дрогнул. — Я справлюсь. Я сделаю.

— Я знаю, — кивнул Бреннан. — Поздравляю, Вайолет. Ты это заслужила.

Он протянул руку, и она пожала её, всё ещё не веря до конца.

Выйдя из кабинета, она прислонилась к стене в коридоре и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле. В голове шумело.

"Лучший сотрудник года". "Спикер на конференции". "Триста человек".

Она открыла глаза и увидела Тима, который смотрел на неё из-за своего стола с любопытством. Она улыбнулась ему — впервые за утро — и пошла на своё место.

Через час начался совет директоров. Её презентация прошла блестяще. Она говорила уверенно, чётко, без запинки. Цифры ложились в графики, графики — в выводы, выводы — в аплодисменты.

Когда она закончила, председатель совета, сухой мужчина с седыми висками, которого все боялись, сказал:

— Мисс Вайолет, я работаю в этой компании тридцать лет. И редко когда видел такой уровень подготовки. Вы нас порадовали.

Она улыбнулась и поблагодарила. А внутри всё пело.

После обеда ей пришло официальное письмо: подтверждение премии и детали командировки в Лондон. Конференция начиналась двадцатого сентября, продлится три дня, проживание в отеле "Савой", все расходы за счёт компании.

Вайолет перечитала письмо три раза. "Савой". Пятизвёздочный отель на Стрэнде, о котором она читала в журналах. Она будет жить там. Она будет выступать там.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно. Дублин сиял под сентябрьским солнцем, и город казался ей сегодня особенно красивым. Её город. Её жизнь. Её победа.

Телефон завибрировал. Клэр: "Ну что? Есть новости? Я вся извелась!"

Вайолет улыбнулась и набрала: "Есть. Вечером расскажу. Твой столик подтверждаю".

Клэр ответила шквалом смайликов и восклицательных знаков.

Потом позвонил Дэвид.

— Привет, — голос у него был взволнованный. — Я слышал новость. Это правда?

— Откуда ты? — удивилась Вайолет.

— У меня знакомый в вашем совете. Поздравляю, это невероятно! Ты гений!

— Спасибо, — она улыбнулась в трубку.

— Надо отметить. Давай сегодня? Я закажу ужин, только ты и я.

Вайолет помедлила. Вечером они с Клэр и компанией. Но

Дэвид... Он был рядом все эти месяцы. Поддерживал. Не давил. Может, стоит провести вечер с ним?

— Сегодня не могу, — сказала она. — Обещала друзьям. Но давай завтра?

— Завтра так завтра, — легко согласился он. — Главное — я тобой горжусь. Ты этого заслуживаешь.

— Спасибо, — повторила она.

Положив трубку, она задумалась. Дэвид был хорошим. Очень хорошим. Но почему-то, когда она думала о нём, внутри не пело. Просто было ровно и спокойно.

"Может, это и есть взрослая любовь?" — подумала она. — "Без драм, без страстей, просто надёжный человек рядом".

Ответа не было.

Вечером они собрались в новом ресторане на набережной в месте, о котором все говорили последние недели. "The Ivy" (Плющ) на Графтон-стрит, с его неизменной элегантностью, белыми скатертями и толпами желающих попасть внутрь.

Клэр забронировала столик на шестерых. Пришли Линда с мужем, Марк с новой девушкой — блондинкой модельной внешности, которая говорила мало и улыбалась много, — и сама Вайолет.

— За тебя! — провозгласила Клэр, поднимая бокал с шампанским, как только они уселись и сделали заказ. — За нашу звезду! За лучшего сотрудника года!

— За Вайолет! — подхватили остальные.

Бокалы звонко столкнулись. Вайолет пила и чувствовала, как тепло разливается по телу не столько от шампанского, сколько от этого момента. Она была в центре внимания. Её любили. Ей желали добра.

— Рассказывай! — потребовала Линда. — Как это было? Ты волновалась?

— Немного, — призналась Вайолет. — Но, когда начала говорить, как-то само пошло. Я же всю презентацию наизусть знала.

— Ты вообще всё наизусть знаешь, — вставил Марк. — Я иногда думаю: Вайолет спит или работает? Подозреваю, что спит с открытыми глазами и думает о работе.

Все засмеялись. Вайолет тоже.

— А конференция в Лондоне! — Клэр ахнула. — "Своей"! Ты представляешь? Там останавливались короли, президенты, звезды! А теперь там будет Вайолет из Дублина.

— Из Дублина, — повторила Вайолет. — Звучит странно. Я всё ещё иногда чувствую себя здесь чужой.

— Глупости, — отмахнулась Клэр. — Ты своя. Ты наша. "Своя. Наша". Слова падали в душу, как монетки в копилку. Вайолет собирала их, надеясь, что однажды накопится достаточно, чтобы почувствовать себя в безопасности.

Разговор перекинулся на другие темы. Кто-то обсуждал недавнюю выставку в Хью-Лейн, кто-то новый театральный фестиваль, кто-то политику и инфляцию. Вайолет слушала, вставляла замечания, смеялась в нужных местах. Она была

частью этого. Она была своей.

Когда подали десерт, к их столику подошёл мужчина. Высокий, с лёгкой сединой на висках, в дорогом костюме, который сидел на нём как вторая кожа.

— Прощу прощения, — обратился он к Вайолет. — Вы ведь Вайолет? С сегодняшней презентации?

Она подняла глаза.

— Да, это я.

— Я Патрик О'Коннор, — представился он. — Был сегодня на совете. Пришёл от вашего выступления в полный восторг. Хотел подойти и сказать лично: вы блестяще справились.

Вайолет почувствовала, как краснеет.

— Спасибо, мистер О'Коннор. Очень приятно.

— Патрик, просто Патрик. — Он улыбнулся. — Не буду мешать вашему ужину. Но если когда-нибудь захотите обсудить карьерные перспективы — я всегда открыт для разговора. Вот моя карточка.

Он протянул визитку. Вайолет взяла, взглянула: "Патрик О'Коннор, управляющий директор, O'Connor Capital Partners".

— Спасибо, — повторила она.

Он кивнул компании и ушёл. За столиком повисла пауза.

— О'Коннор? — переспросил Марк. — Тот самый О'Коннор? Из O'Connor Capital? Это же один из крупнейших инвестфондов в Ирландии.

— Похоже, что так, — Вайолет смотрела на визитку.

— Вайолет, — Клэр схватила её за руку, — это шанс. Ты понимаешь? Тебя заметили. По-настоящему заметили!

— Это просто вежливость, — отмахнулась Вайолет, но визитку убрала в сумку.

Вечер продолжился. Ещё шампанское, ещё тосты, ещё смех. Но в голове у Вайолет крутилась мысль: её заметили. Не как "удобную" или "тихую". Как профессионала. Как человека, который чего-то стоит.

Выходя из ресторана, она поймала своё отражение в тёмном стекле. Женщина в элегантном платье, с лёгким румянцем на щеках, с улыбкой на губах, с огоньком в глазах, смотрела на неё.

— Ты молодец, — шепнула она себе. — Ты справляешься.

Следующие две недели пролетели как один миг.

Вайолет работала как заведённая. Конференция в Лондоне требовала подготовки: новый доклад, новые слайды, новые данные. Она приходила в офис к восьми, уходила за полночь. Домой приползала на ватных ногах, падала на диван, отключалась на несколько часов и просыпалась снова с мыслью о том, что нужно успеть ещё, ещё и ещё.

Но ей это нравилось.

Впервые в жизни у неё было дело, которое захватывало целиком. Впервые она чувствовала, что делает что-то важное, что её усилия видят и ценят. Впервые пустота внутри заполнялась не тишиной, а смыслом.

Коллеги удивлялись её энергии.

— Ты как робот, — говорила Сара из бухгалтерии. — Не устаёшь совсем?

— Устаю, — признавалась Вайолет. — Но это приятная усталость. Когда знаешь, что не зря.

Дэвид звонил каждый вечер. Спрашивал, как дела, желал спокойной ночи, говорил, что скучает. Вайолет отвечала коротко и не потому, что не хотела говорить, а потому что голова была занята другим.

— Ты меня скоро совсем забудешь, — шутил он.

— Не забуду, — обещала она. — Вот закончится конференция, и я твоя.

"Я твоя". Странное обещание, если подумать. Она не была ничьей. Она была своей. Но говорить об этом вслух не хотелось.

Клэр звонила реже и обижалась, что Вайолет пропадает. Но когда Вайолет предложила ей сходить на выставку в выходные, Клэр тут же оттаяла.

— Ты помнишь, что у тебя есть друзья? — спросила она.

— Помню. И очень скучаю. Просто надо выжить эти две недели.

— Выживай, — вздохнула Клэр. — Но в субботу будет выставка. Я уже купила билеты.

Вайолет улыбнулась. Клэр всегда покупала билеты. Клэр всегда всё организовывала. Иногда Вайолет казалось, что, если бы не Клэр, она бы вообще никогда не выходила из до-

ма.

В субботу они пошли в Хью-Лейн — городскую галерею современного искусства. Там открывалась выставка ирландских художников двадцатого века: Бэкона, Лери, Йейтса. Вайолет любила это место. Оно было тихим, светлым, наполненным чем-то настоящим.

Они бродили по залам, останавливаясь перед картинами. Клэр говорила без умолку о работе, о парнях, о новой диете. Вайолет слушала вполуха, разглядывая мазки на холсте, пытаясь понять, что чувствовал художник, когда это писал.

— Ты меня слушаешь? — вдруг спросила Клэр.

— Да, конечно, — автоматически ответила Вайолет.

— О чём я только что говорила?

Вайолет замерла. Она не помнила.

— Вот видишь, — Клэр надула губы. — Ты опять витаешь где-то. В своей работе, в своих мыслях. А я тут с тобой, между прочим, время провожу.

— Прости, — искренне сказала Вайолет. — Задумалась.

Картина зацепила.

Клэр посмотрела на полотно и на абстрактные пятна синего и зелёного, похожие на море в шторм.

— Красиво, — признала она. — Но я всё равно обижаюсь.

— Я исправлюсь, — пообещала Вайолет. — Пойдём выпьем кофе? Я угощаю.

Кофе в музейном кафе, вид на город из окна, разговоры ни о чём — это было то, что нужно. К концу дня Клэр отта-

яла окончательно.

— Ты правда едешь в Лондон на три дня? — спросила она.

— Да. Двадцатого вылетаю.

— Одна?

— Одна. Но там конференция, буду всё время занята.

— А после конференции? Может, останешься на выходные? Погуляешь, по магазинам? Я бы с тобой поехала, но работа...

Вайолет задумалась. Остаться в Лондоне? Одна? Почему бы и нет.

— Посмотрим, — сказала она. — Если не выдохнусь, может, и останусь.

— Оставайся, — Клэр сжала её руку. — Ты заслужила отдых. Ты столько работаешь, что уже забыла, как отдыхать.

— Я не забыла, — возразила Вайолет. — Просто работа мне сейчас важнее.

— А потом? Когда будет "потом"?

Вайолет не ответила. Она и сама не знала, когда наступит это "потом". Может, после конференции. Может, после премии. Может, когда-нибудь.

Эффект отложенной жизни. Она слышала это выражение где-то и сейчас поняла, что оно про неё. Сначала школа, потом университет, потом работа, потом ипотека, потом карьера. А когда жить? Когда-нибудь потом.

Но отгонять эту мысль не хотелось. Сегодня был хороший день. И она решила не портить его размышлениями.

В следующие выходные они с Линдой пошли в театр.

"Гейт" — один из старейших театров Дублина, с его неоклассическим фасадом и красным бархатом внутри. Давали "Вишнёвый сад" Чехова — классику, которую Вайолет читала ещё в университете, но никогда не видела на сцене.

Они сидели в партере, в четвёртом ряду, и Вайолет с первых минут погрузилась в действие. Раневская, её потерянный сад, её иллюзии, её неспособность жить настоящим. Вайолет смотрела и чувствовала странную связь с этой женщиной. Тоже бежит от реальности, тоже цепляется за прошлое, тоже не знает, кто она.

В антракте они пили шампанское в буфете.

— Ну как тебе? — спросила Линда.

— Сильно, — призналась Вайолет. — Раневская... она такая живая. И такая потерянная.

— Ты про неё или про себя? — улыбнулась Линда.

Вайолет вздрогнула.

— С чего ты взяла?

— Просто так. Иногда мне кажется, что ты тоже немного потеряна. При всей твоей успешности.

Вайолет хотела возразить, но слова застряли в горле.

— Я не потеряна, — сказала она наконец. — Просто ищущу.

— Ищешь что?

— Себя, — вырвалось у Вайолет.

Она сама удивилась этому ответу. Но Линда только кивнула.

— Это нормально, — сказала она. — Мы все ищем. Просто не все признаются.

Второй акт прошёл на одном дыхании. Когда занавес опустился, Вайолет долго сидела, не в силах пошевелиться. Слова Линды застряли в голове и не отпускали.

"Ищешь себя". Да, наверное. Но разве можно найти то, чего никогда не было?

Двадцатое сентября наступило незаметно.

Утром Вайолет стояла в аэропорту с небольшой дорожной сумкой и ноутбуком через плечо. Самолёт на Лондон вылетал через час. Она пила кофе в бизнес-зале, просматривала презентацию в сотый раз и чувствовала, как внутри всё вибрирует от предвкушения.

Телефон разрывался от сообщений. Клэр: "Удачи! Ты лучшая! Напиши, как долетишь". Линда: "Покажи им всем! Ты звезда!"

Вайолет улыбалась и отвечала всем по очереди. Приятно было знать, что её ждут. Что о ней помнят. Что она кому-то нужна.

В самолёте она села у окна и смотрела, как Ирландия уплывает вниз — зелёные поля, изрезанная береговая линия, белые барашки волн. Потом облака закрыли всё, и она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза.

Лондон встретил её солнцем и суетой. Хитроу гудел, как растревоженный улей, люди бежали во всех направлениях, и Вайолет на мгновение растерялась. Но только на мгновение.

Она взяла такси, назвала адрес отеля и через сорок минут уже входила в холл "Савоя".

Отель был именно таким, как на картинках: мрамор, позолота, хрустальные люстры, портье во фраках. Вайолет почувствовала себя героиней фильма, когда подходила к стойке регистрации.

— Добро пожаловать, мисс Вайолет, — улыбнулся портье.
— Ваш номер готов. Желаете, чтобы багаж подняли?
— Да, спасибо, — ответила она.

Номер оказался на шестом этаже, с видом на Темзу. Вайолет подошла к окну и долго смотрела на реку, на мосты, на купол собора Святого Павла вдалеке. Лондон был огромен. Лондон был прекрасен. И она была здесь, в самом его сердце.

Она разобрала вещи, приняла душ, переоделась и спустилась в конференц-зал, где через час начиналась регистрация участников.

Конференция называлась "Finance Forward 2023" и собрала лучших специалистов со всей Европы. Вайолет бродила между стендами, слушала обрывки разговоров на разных языках, впитывала атмосферу. Здесь пахло деньгами, успехом, возможностями.

Её выступление было назначено на завтра, одиннадцать утра, главная сцена. Тридцать минут. Потом вопросы. Она знала свой доклад наизусть, но всё равно нервничала.

Вечером был фуршет в банкетном зале. Вайолет надела чёрное платье, которое купила специально для этого случая

— элегантно, но не вызывающее, и вышла в свет.

Её сразу окружили люди. Кто-то читал её статьи в профессиональных журналах, кто-то слышал о её проекте, кто-то просто хотел познакомиться. Вайолет улыбалась, обменивалась визитками, запоминала имена. Она была в своей стихии.

— Вайолет, — окликнул её знакомый голос.

Она обернулась. Патрик О'Коннор, тот самый из ресторана, стоял с бокалом шампанского и улыбался.

— Патрик? Вы здесь?

— Я член комитета, — пояснил он. — Решил подойти и пожелать удачи на завтра. Вы готовы?

— Надеюсь, — улыбнулась Вайолет.

— Не надейтесь, а знайте, — он подмигнул. — Я видел вашу презентацию. Она сильная. Просто будьте собой, и всё получится.

"Будьте собой". Если бы он знал, как сложно ей быть собой. Но он не знал. Никто не знал.

— Спасибо, — сказала она. — Это много значит.

— Завтра после выступления зайдите в VIP-зону, — добавил он. — Я хочу познакомить вас с несколькими людьми. Думаю, вы им будете интересны.

Вайолет кивнула, и он растворился в толпе.

Утро двадцать первого сентября выдалось ясным.

Вайолет проснулась рано, сделала лёгкую зарядку, приняла контрастный душ, выпила кофе в номере. Она не завтра-

кала плотно волнение сжимало желудок. Вместо еды она ещё раз пролистала слайды, проверила микрофон на ноутбуке, убедилась, что всё работает.

В одиннадцать она вышла на сцену.

Триста пар глаз смотрели на неё. Триста человек ждали, что она скажет. Свет прожекторов слепил, но она видела первые ряды: знакомые лица, Патрик в третьем ряду, ещё кто-то, кого она не знала.

— Доброе утро, — начала она. — Меня зовут Вайолет, я представляю компанию...

И понеслось.

Она говорила сорок минут вместо тридцати, но никто не останавливал. Цифры ложились на графики, графики на выводы, выводы на аплодисменты. Когда она закончила, зал взорвался овациями.

Вайолет стояла на сцене, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и улыбалась. Она сделала это. Она смогла.

Вопросы посыпались сразу. Кто-то спрашивал о деталях, кто-то о прогнозах, кто-то о её опыте. Она отвечала легко, уверенно, без запинки.

Когда сессия закончилась, к ней выстроилась очередь. Люди хотели познакомиться, обменяться контактами, сфотографироваться. Вайолет раздавала визитки, улыбалась, запоминала. Её хвалили, ей восхищались, её узнавали.

В VIP-зоне Патрик представил её трём важным людям, директорам крупных инвестиционных фондов. Они говори-

ли о сотрудничестве, о проектах, о будущем. Вайолет слушала и чувствовала, как растёт внутри что-то тёплое и большое.

Признание. Вот оно. Наконец-то.

Она вернулась в Дублин двадцать третьего сентября, в субботу вечером.

Самолёт приземлился в темноте, город встретил её привычным дождём и ветром. Но Вайолет не замечала непогоды. Она была счастлива. Уставшая, вымотанная, но счастливая.

Дома её ждал сюрприз. Клэр, Линда, Марк все собрались в её квартире с шампанским, цветами и тортом.

— Сюрприз! — закричали они, когда она вошла.

Вайолет замерла на пороге, а потом рассмеялась впервые за долгое время так, по-настоящему, искренне.

Вечер пролетел в смехе, разговорах, тостах. Вайолет рассказывала о Лондоне, о конференции, о Патрике О'Конноре, о людях, с которыми познакомилась. Друзья слушали, раскрыв рты.

— Ты теперь звезда, — сказал Марк. — Настоящая звезда. Мы будем брать у тебя автографы.

— Не смешите, — отмахнулась Вайолет, но внутри было приятно.

Когда все разошлись. Вайолет закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и долго стояла так, глядя в пустоту прихожей.

Потом прошла в гостиную, легла на диван и уставилась в белый потолок.

День был идеальным. Месяц был идеальным. Жизнь была идеальной.

Только почему внутри, под всей этой радостью, снова зашевелилась знакомая пустота?

— Просто устала, — сказала она вслух. — Просто нужно выспаться.

Она закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

За окном шумел сентябрьский дождь. Город жил своей жизнью. А Вайолет лежала на диване в своей красивой квартире, и тишина снова начинала свой медленный танец вокруг неё.

Но завтра будет новый день. Завтра снова работа, снова встречи, снова победы.

А "потом" ... "потом" когда-нибудь наступит.

Обязательно наступит.

Глава 3. Иллюзия близости

После триумфальной конференции в Лондоне и получения премии «Лучший сотрудник года» Вайолет чувствует себя на вершине. Дэвид становится ещё внимательнее: он чаще звонит, инициирует встречи, делает комплименты не только её внешности, но и уму, таланту, профессиональным качествам. Вайолет впервые кажется, что её видят по-настоящему.

Но внутри начинает зарождаться смутное беспокойство.

Октябрь в Дублине выдался дождливым, но для Вайолет он сиял всеми цветами радуги. Премия «Лучший сотрудник

года» стояла на каминной полке в её гостиной, и каждый раз, проходя мимо, она невольно улыбалась. Но улыбалась она не столько статуэтке, сколько воспоминанию о глазах Дэвида в тот вечер.

Он стоял в первом ряду во время церемонии, и когда объявили её имя, аплодировал громче всех. А после, на фуршетe, не отходил от неё ни на шаг, но держался так, словно был не просто партнёром, а её персональным менеджером, телохранителем и самым преданным фанатом одновременно.

— Ты даже не представляешь, что сейчас чувствую, — сказал он, когда они наконец остались вдвоём в укромном углу зала с бокалами шампанского. — Смотреть на тебя там, на сцене... это было нечто особенное.

— Что именно? — Вайолет кокетливо поправила прядь волос, всё ещё переполненная адреналином.

Дэвид сделал паузу, словно подбирал слова, способные вместить глубину его переживаний. Глаза его были серьёзны, даже торжественны.

— Понимаешь, обычно, когда твой партнёр добивается успеха, ты чувствуешь гордость, да. Но тут было другое. Я смотрел на тебя и думал: «Боже, сколько же в этой женщине силы. Сколько ума, таланта, характера». И самое главное — я видел, как ты держалась. Без этой дурацкой напыщенности, без желания кого-то затмить. Ты просто была собой. Настоящей. И это подкупает больше всего.

Он говорил именно то, что ей было нужно услышать. Не

просто «ты молодец», а разобранные по косточкам признание её сути.

— Знаешь, — продолжил Дэвид, делая глоток шампанского, — я много думал в последнее время. О нас. О том, как редко в жизни встречаются люди, которые действительно тебя понимают. Не пытаются переделать, приспособить под свои интересы, использовать твою доброту... — Он покачал головой. — Мир жесток к сильным женщинам. Все хотят от тебя чего-то: результатов на работе, заботы, внимания. А кто даст что-то взамен? Кто просто будет рядом и скажет: «Ты можешь быть любой. Слабой, уставшей, растерянной. Я приму любую».

У Вайолет перехватило горло. Именно это, слово в слово, она говорила подругам годами. Именно этого она ждала от мужчин и не получала никогда. А он просто взял и сформулировал это сам. Без её подсказок.

— Ты... ты прав, — тихо сказала она, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. — Иногда так хочется просто выдохнуть и перестать доказывать, что ты достойна.

— Слышишь, — Дэвид взял её за руку, и его ладонь была тёплой и надёжной, — запомни одну вещь. Рядом со мной тебе никогда не придётся ничего доказывать. Ни своей состоятельности, ни права на усталость, ни права на ошибку. Я принимаю тебя целиком. Со всей твоей гениальностью и со всей твоей уязвимостью. Для меня это единое целое.

«Принимаю тебя целиком». Эти слова стали для Вайолет

мантрой. Она прокручивала их в голове в пробках, засыпая под них, просыпалась с ними. Человек, который принимает её целиком. Не за красивую картинку, не за статус, не за связи, а просто за неё саму. Разве не об этом мечтает каждая?

Она не заметила, как начала рассказывать ему то, о чём молчала годами. О том, как первый мужчина, в которого она была влюблена в университете, бросил её ради «более женственной и мягкой» однокурсницы. О том, как на первых работах её боялись и называли «железной леди» за спиной.

Дэвид слушал. Кивал. Иногда сжимал её руку. Ни разу не перебил, не дал непрошеного совета, не сказал банальности вроде «забудь» или «не парься». Он просто присутствовал. Абсолютно. Целиком.

— Это не ты была «слишком сильной», — сказал он однажды вечером, когда она закончила очередной болезненный рассказ. — Это они были слишком слабыми. Мужчина, которому нужна «слабая женщина», на самом деле ищет не партнёра, а аудиторию. Ему нужно, чтобы кто-то смотрел на него снизу вверх и говорил: «Какой ты великий». А тому, кто уверен в себе, нужна та, кто будет рядом. На равных.

Он снова попал в яблочко. Вайолет чувствовала, как тает последний лёд недоверия, который она выстроила годами одиночества. Рядом с ним она позволяла себе быть не только успешной Вайолет, начальницей отдела, экспертом, которого цитируют в профильных журналах, но и просто Ви. Так называла её только бабушка в детстве. И теперь Дэвид.

Однако примерно через две недели после Лондона Вайолет начала замечать странную закономерность. Их разговоры, такие глубокие и эмоциональные по вечерам, всегда заканчивались одной нотой. И эта нота звучала как «мне нужна твоя помощь».

Это никогда не звучало как прямая просьба. Это всегда была подача через общие ценности, через «командный дух», через их «особую связь».

Началось с малого.

— Солнышко, — написал он в мессенджере в субботу утром. — Ты не представляешь, какое совпадение. Мой партнёр по одному проекту, ну тот, который я тебе показывал, он как раз ищет выход на людей из твоей сферы. Я, конечно, сразу подумал о тебе. Не то чтобы я прошу... просто если у тебя будет пара минут на следующей неделе, может, организуете созвон? Я понимаю, что ты занята, просто вы так совпадаете по ценностям, что грех не познакомиться.

Конечно, она организовала. Трёхсторонняя встреча в «Зуме», на которой Дэвид выступал скорее наблюдателем, а Вайолет и его партнёр обсуждали синергию их компаний. Партнёр остался доволен. Дэвид вечером прислал огромный букет с открыткой: «Моя самая лучшая половинка команды. Ты — гений».

Через несколько дней ситуация повторилась.

— Ви, я тут сижу над инвестиционным предложением, и мне просто жизненно необходим женский взгляд. Точнее,

твой взгляд. У тебя чутьё на риски просто феноменальное. Я накидал файлик, может, глянешь вечером? Это пять минут, просто твоим острым глазом.

Файлик оказался на сорок страниц. Вайолет читала его до двух часов ночи, делала пометки правила стилистику. На следующее утро она отправила ему разбор с комментариями на полях.

— Ты... ты просто космос! — написал он. — Это не просто помощь, это полноценный апгрейд моего проекта. Как я жил без тебя?

Она улыбнулась, потерла уставшие глаза и пошла варить кофе перед работой. Чувство усталости было, но оно перекрывалось чувством нужности. Она была не просто женщиной, она была музой, экспертом, боевым товарищем. Разве не об этом говорят в умных книгах про здоровые отношения? О том, что люди должны быть командой?

Следующим был разговор о его бывшей жене.

— Знаешь, — сказал Дэвид за ужином в ресторане, — у меня сейчас непростой период с алиментами. Адвокаты советуют одно, я чувствую другое. Я не хочу лишать детей ничего, но и чувствую, что меня просто используют как кошелёк. Ч не хочу ей платить алименты. У тебя же есть знакомые семейники? Посоветуй, к кому пойти.

Вайолет дала контакты трёх лучших адвокатов по семейным делам, с которыми работала по кросс-функциональным проектам.

— Ты мой ангел-хранитель, — Дэвид поцеловал её руку прямо над тарелкой с пастой. — Я даже не знаю, как тебя благодарить.

Он не знал, но Вайолет знала. Она чувствовала благодарность в каждом его взгляде, в каждом тёплом сообщении, в том, как он называл её «родная» и «самая лучшая». Это и была его благодарность.

К середине ноября Вайолет поймала себя на мысли, что её телефон стал рабочим инструментом не только для её собственной карьеры, но и для карьеры Дэвида. Она договаривалась о встречах, писала рекомендательные письма, редактировала его презентации, советовала, в какие активы инвестировать, а какие обходить стороной.

Каждый раз это подавалось под соусом «совместного роста», «общего будущего», «командной работы».

— Мы же одна команда, правда? — спросил он однажды вечером, когда она в десятый раз согласилась «просто взглянуть» на его резюме для нового совета директоров, куда он хотел войти. — Ты ведь хочешь, чтобы у твоего мужчины всё получалось? Чтобы твой мужчина был успешным, состоявшимся, чтобы ты могла мной гордиться?

— Конечно, хочу, — ответила Вайолет автоматически.

— Ну вот. А для этого нужно, чтобы мы работали как единый организм. Где ты сильна, я подстраиваюсь. Где я проседаю, ты подставляешь плечо. Идеальная синергия.

Синергия. Это слово звучало красиво. Оно звучало совре-

менно, прогрессивно, правильно. Только баланс в этой синергии почему-то постоянно смещался в одну сторону.

В конце ноября произошёл случай, который Вайолет отчаянно попыталась забыть, списав на свою мнительность.

Она приехала к Дэвиду домой после особенно тяжёлого дня. В офисе был аврал, её подчинённая допустила серьёзную ошибку в отчётности, пришлось всё переделывать вручную, и Вайолет валилась с ног. Ей хотелось только одного: залезть к нему под бок, закрыть глаза и ни о чём не думать. Чтобы он просто обнял её и сказал, что всё будет хорошо. Чтобы он дал ей эту передышку. Ту самую «слабость», которую он обещал принимать.

Она вошла в квартиру, скинула пальто в прихожей и прошла в гостиную. Дэвид сидел за ноутбуком, нахмуренный, напряжённый.

— Привет, — тихо сказала она, подходя и целуя его в макушку. — День просто жесть. Я так устала...

— Ой, солнышко, привет-привет, — ответил он, не отрывая глаз от экрана. — Подожди секунду, я тут срочно должен дописать письмо. Ты пока присядь.

Она присела на диван. Прошло пять минут. Десять. Дэвид стучал по клавишам, изредка чертыхаясь. Вайолет смотрела в одну точку на стене, чувствуя, как усталость сменяется каким-то тягучим, холодным разочарованием.

Наконец он захлопнул ноутбук и повернулся к ней с улыбкой:

— Всё, прости, заказчик просто с ума сходит, хотел всё вчера. — Он подошёл, сел рядом, обнял её за плечи. — Ну, рассказывай, что у тебя?

И Вайолет начала рассказывать. Про отчётность, про ошибку, про усталость. Но не успела она договорить до середины, как Дэвид перебил:

— Слушай, раз уж ты заговорила про отчётность... Ты же в этом собаку съела. У меня тут тоже фигня с цифрами в одном проекте. Можешь глянуть по-быстрому? А то я уже мозг сломал. Это на пару минут.

Он уже тянулся к ноутбуку, чтобы открыть файл.

Вайолет замерла. Внутри что-то ёкнуло и оборвалось. Она только что говорила о своей усталости, о том, что ей нужна поддержка. А он не просто не предложил эту поддержку — он даже не дослушал. И тут же перевёл стрелки на свою проблему.

— Дэвид, — сказала она медленно, — я только что сказала, что у меня был очень тяжёлый день. Я приехала к тебе отдохнуть.

— Ну да, конечно, — он посмотрел на неё с недоумением, словно не понимая, в чём проблема. — Я просто и подумал: раз уж ты профессионал, тебе проще будет переключиться на знакомую тему, чем просто так сидеть и прокручивать в голове свои рабочие моменты. Это же как отвлечение. Ты на мои цифры посмотришь, мозг перезагрузишь, а потом и отдохнёшь по-настоящему.

Он говорил это так убедительно. В его логике действительно был какой-то извращённый смысл. Может, и правда? Может, ей станет легче, если она займётся делом? Она ведь всегда чувствовала себя лучше, когда была полезной.

— Ладно, давай посмотрю, — вздохнула она.

Дэвид просиял. Он открыл файл, пододвинул к ней ноутбук и ушёл на кухню ставить чайник.

Вайолет смотрела в цифры, но видела перед собой не графики, а своё отражение в тёмном экране монитора. Отражение женщины, которая только что снова сказала «да», когда внутри всё кричало «нет».

Поздно вечером, когда она наконец легла в постель, Дэвид прижался к ней сзади и прошептал:

— Спасибо тебе. Ты сегодня меня спасла. Я даже не знаю, что бы я без тебя делал.

Вайолет улыбнулась в темноту. Но улыбка вышла грустной. Она лежала с открытыми глазами и слушала его ровное дыхание. Сон не шёл. Она прокручивала в голове прошедшие недели и пыталась найти баланс. Сколько он сделал для неё? И сколько сделала она?

Он дарил ей цветы. Писал тёплые сообщения. Говорил правильные слова. Он давал ей то, чего она была лишена годами: чувство принятия, чувство «особости», чувство, что её видят.

Она давала ему связи, экспертизу, время, ресурсы, знакомства с нужными людьми, интеллектуальную поддерж-

ку, редактирование документов, юридические консультации, инвестиционные советы.

Он дарил ей эмоции. Она дарила ему вполне осязаемые блага.

— Я просто слишком много работаю, — прошептала она самой себе в подушку. — У меня профессиональная деформация. Я даже в отношениях ищу, где я могу быть полезной. А он просто это принимает, потому что любит меня и ценит мои таланты. Разве это плохо?

Она уговорила себя. Заставила поверить в эту версию. Потому что альтернатива — признать, что её используют, — была слишком болезненной. Слишком сильно была по тому самому месту, которое всю жизнь жаждало принятия. Если признать это, придётся признать, что её снова не любят. Снова используют. Снова видят в ней функцию, а не личность. Этого Вайолет вынести не могла.

Она закрыла глаза и приказала себе спать.

Декабрь начался с того, что Дэвид перестал спрашивать. Он начал требовать. Тонко, изящно, но требовать.

— Вайолет, солнышко, — написал он во вторник утром. — У меня сегодня встреча с инвесторами в семь вечера. Я знаю, что ты хотела в спортзал, но у них поменялось время, а мне нужно, чтобы ты была рядом. Ты же мой талисман. И потом, ты лучше всех чувствуешь, когда инвесторы врут. Пожалуйста, отмени спортзал, я тебя очень прошу.

Вайолет посмотрела на сообщение. Она хотела в спортзал.

Она не высыпалась последнюю неделю, спина болела, и тренер предупреждал, что если она продолжит пропускать, то заработает грыжу. Она хотела в спортзал. Очень хотела.

Но он написал «пожалуйста». И назвал её «солнышко». И сказал, что она его талисман.

— Хорошо, — напечатала она. — Во сколько мне подъехать?

Внутренний голос, тот самый, который она научилась игнорировать годами тренировок, пискнул что-то про границы. Она нажала «отправить» и заглушила его звуком уведомления.

На встрече с инвесторами Вайолет сидела рядом с Дэвидом и улыбалась. Она действительно чувствовала фальшь, когда один из инвесторов начал слишком сладко рассказывать о своих намерениях. Она под столом слегка коснулась ноги Дэвида. Он понял. После встречи он сжал её руку:

— Ты гений. Без тебя я бы купился на эту его улыбочку.

Она растаяла. Спортзал забылся.

В середине декабря произошло событие, которое разрушило всё.

Вайолет должна была участвовать в крупной отраслевой конференции в отеле «Пуллмен» Ливерпуль. Дэвид знал об этом и ворчал, что она опять будет занята три дня и у них не будет времени друг на друга.

— Ты же понимаешь, это карьерный момент, — оправдывалась Вайолет.

— Понимаю, конечно. Просто скучаю, — он чмокнул её в щёку. — Иди, покоряй. Я буду болеть за тебя заочно.

Конференция проходила в гибридном формате: часть участников выступала очно, часть подключалась по зуму. Вайолет была в зале. Во второй половине дня, в перерыве между секциями, она зашла в лаунж-зону выпить кофе. Там стояли удобные диваны и несколько планшетов для участников, с которых можно было зайти в программу и посмотреть расписание или трансляции.

Вайолет взяла планшет, чтобы прикинуть, на какую секцию пойти дальше. Но палец замер над экраном.

На главном экране была открыта трансляция одной из секций. И в правом нижнем углу, в окошке спикера, подключившегося по зуму, она увидела знакомую гостиную.

Это была её гостиная. Вайолет замерла. Сердце пропустило удар.

Она узнала всё: диван, который она выбирала три месяца в магазине на Графтон-стрит, торшер от Артемиде, купленный в прошлом году, столик с журналами, которые она никогда не читала, но которые красиво смотрелись. Картину на стене — подарок Клэр на новоселье.

Это была её квартира. Её пространство. Её личное.

А на диване, развалившись с бокалом вина, сидел Дэвид. Он был в домашней футболке, расслабленный, довольный. Рядом с ним, прижимаясь к его плечу, сидела девуш-

ка в коротком шёлковом халате, едва прикрывающем бельё. Она игриво проводила пальцем по его груди, что-то шептала, смеялась.

Вайолет смотрела на экран и не чувствовала ничего. Пустота. Вакуум. Только где-то в ушах начал нарастать звон.

Она не знала, как долго стояла так. Секунду? Минуту? Вечность?

Потом, словно в трансе, она нашла кнопку включения звука на планшете. Палец дрожал, но нажал.

— ...ну серьёзно, Дэви, — голос девушки был молодым, капризным, с хрипотцой. — Ты правда собираешься на ней жениться? На этой... Вайолет?

Вайолет вздрогнула, услышав своё имя.

— А почему нет? — Дэвид усмехнулся, отпил вино. Девушка продолжала водить пальцем по его ключице.

— Она же идеальный вариант. Перспективная, деньги есть, работа хорошая, связи по всему городу. Ты видела, кто у неё в друзьях? Финансовые директора, владельцы фондов, эти её подружки, у которых мужья кто в советах директоров, кто в политике.

— И ты ради этого готов жениться? — девушка рассмеялась, но в смехе слышалась ревность.

— После того, что ты рассказывал про свой развод? Ты же еле от бывшей отделался, алименты платишь...

— Алименты я плачу только те, которые показываю, — Дэвид подмигнул.

— Остальное в другом месте. С бывшей я своё получил. А эта... — он кивнул куда-то в сторону, будто Вайолет могла его видеть, — эта вообще подарок судьбы.

— В смысле?

— Во-первых, ей уже под сорок, — Дэвид загнул палец.

— Детей рожать поздно, да и не хочет она, по-моему, вся в карьере. Значит, после развода никаких алиментов на детей. Во-вторых, у неё квартира в центре, машина, сбережения. Я уже прикинул: через пару лет брака можно будет развестись и всё поделить пополам. Она же зарабатывает больше меня, дура, даже контракт не попросила составить. Всё на доверии.

Девушка залилась смехом, запрокинув голову.

— Дэви, ты монстр! А если она узнает?

— А что она узнает? — Дэвид пожал плечами.

— Я для неё самый понимающий, самый заботливый. Слушаю её истории про детство, про маму, про то, как её никто не ценит. Она тает, как мороженое. Ей же нужно, чтобы кто-то говорил, что принимает её любой. Ну я и говорю. А она за это знакомит меня с нужными людьми, редактирует мои презентации, советы даёт по инвестициям. Бесплатный консультант и коуч в одном флаконе.

— А если она захочет замуж по-настоящему? Свадьбу там, детей?

— Не захочет, — отрезал Дэвид.

— Я ей уже внушил, что у неё карьера, что ей не до детей. Она же умная, она понимает. А если вдруг... — он сделал

паузу и криво усмехнулся. Ну, скажу, что не готов, что у меня травма после развода. Она ж добрая, поймёт. Они все такие, сильные женщины, — он изобразил кавычки в воздухе. Им лишь бы понимали. А я понимаю. Ровно настолько, сколько нужно.

Девушка снова засмеялась и поцеловала его в шею.

— И ты правда сможешь с ней жить пару лет? Не заску-чаешь?

— А чего скучать? — Дэвид притянул её к себе. У меня же есть ты. И не только ты. Я свободный человек. А она пусть работает, знакомит, вкладывается. Главное, чтобы верила, что я её люблю. А верит глазки горят, всё рассказывает, душу открывает. Удобно.

— А если она узнает про нас?

— Не узнает. Она вся в работе, в своих конференциях, в проектах. Ей не до того. Думает, я по вечерам работаю. А я, он чмокнул девушку в губы, работаю совсем над другим проектом.

Они засмеялись вместе. Девушка забралась на него сверху, халат распахнулся окончательно.

— И долго ты планируешь этот проект? — спросила она, наклоняясь к его уху.

— Пару лет, — ответил Дэвид, закрывая глаза. — А там видно будет. Может, ещё кого найду. Главное стартовый капитал поднять и связи наработать. А Вайолет мне в этом лучший помощник. Сама не знает, как помогает.

Экран погас. Трансляция закончилась.

Вайолет стояла посреди лаунж-зоны конференц-центра с планшетом в руках. Вокруг гудели голоса, звенели чашки, смеялись люди. Кто-то задел её плечом, извинился. Она не слышала.

Она смотрела на тёмный экран и видела перед собой только одно: свой диван. Свою гостиную. Свою жизнь, которую этот человек собирался использовать, а потом выбросить.

«Она же умная, она понимает».

«Бесплатный консультант и коуч».

«Пара лет брака, а потом развод и всё пополам».

«Детей не хочет, значит, и алиментов не будет».

Слова падали в неё, как камни в воду, расходясь кругами. Каждое слово отзывалось болью в том самом месте, которое она открыла ему. В том самом, куда она пустила его, поверив, что он другой.

Он не просто использовал её связи. Он использовал её душу. Её боль. Её одиночество. Её отчаянное желание быть принятой.

— Мисс, вам плохо? — чей-то голос пробился сквозь вату.

Вайолет подняла глаза. Перед ней стояла девушка-волонтер с бейджем.

— Вам вызвать врача? Вы очень бледная.

— Нет, — голос Вайолет прозвучал чужо, будто не её. — Я в порядке.

Она отдала планшет волонтеру, развернулась и пошла к выходу из лаунж-зоны. Ноги не слушались, но она шла. Мимо людей, мимо столиков с кофе, мимо ярких стендов.

В туалете она заперлась в кабинке, села на крышку унитаза и закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

Она не плакала. Слезы придут позже, ночью, когда она останется одна. А сейчас внутри было только одно ледяная, звенящая ясность.

Всё, что он говорил про принятие, про понимание, про то, какой она особенный человек всё это было ложью. Инструментом. Техникой.

Он слушал её рассказы о детстве не потому, что ему было важно. Он собирал информацию об её уязвимостях, чтобы знать, куда бить.

Он говорил, что она гениальна, не потому что верил в это. А потому что знал: ей это нужно, как воздух. И она будет платить за эти слова связями, временем, экспертизой.

Он спрашивал про её детство, про боль, про одиночество не из сочувствия. Он искал крючки, на которые можно повесить её доверие.

А она велась. Она так хотела, чтобы это было правдой, что не замечала очевидного.

Вайолет сидела в кабинке туалета конференц-центра, сжимая телефон в руках, и перечитывала их последнюю переписку.

«Скучаю. Когда вернёшься?»

«Ты сегодня великолепна. Спокойной ночи, родная».

«Мы же одна команда, правда?»

Команда. В которой один игрок думает только о том, как использовать второго и выбросить.

Она открыла контакты и нажала на имя Клэр.

— Клэр, — сказала она, когда подруга ответила. Голос был ровным, чужим. Помнишь, ты говорила, что, если что я могу тебе позвонить в любое время?

— Ви? Что случилось? — Клэр встревожилась мгновенно. У тебя голос странный.

— Я всё расскажу. Потом. Только скажи мне одну вещь.

— Какую?

— Ты когда-нибудь чувствовала себя полной дурой?

Пауза. Потом Клэр выдохнула:

— Ох, Ви... Рассказывай. Где ты? Я приеду.

— Я в Ливерпуле. На конференции. Но завтра вылетаю. Можно я к тебе приеду сразу из аэропорта?

— Конечно можно. У меня и торт есть, и вино, и плечо, чтобы поплакать. Только до завтра доживи, ладно?

— Доживу, — сказала Вайолет. — Я теперь всё могу.

Она отключила телефон, посидела ещё минуту, потом встала, подошла к раковине и посмотрела на себя в зеркало.

Из зеркала на неё смотрела женщина с бледным лицом и странными, слишком спокойными глазами.

— Ну что, Вайолет, — сказала она себе. — Доигралась? Поверила в сказку?

Зеркало молчало.

— Ничего, — ответила она за него. — Это лечится.

Она умылась холодной водой, поправила макияж, одёрнула пиджак. Через полчаса у неё была секция. Она должна была выступать.

И она выступит. Потому что она профессионал. Потому что она не имеет права развалиться на глазах у трёхсот человек. Потому что где-то в этом зале сидят люди, которые действительно ценят её за ум, за опыт, за результаты. А не за то, как удобно её можно использовать.

Она вышла из туалета и направилась в зал.

Никто не узнал, что за эти полчаса её мир разбился вдребезги. Никто не увидел, как она собрала осколки и пошла дальше.

Но она знала.

И этого было достаточно.

Вечером, после выступления, Вайолет сидела в номере отеля и смотрела в окно. Город сиял огнями, но она не видела их. Перед глазами стояла другая картина: её диван, Дэвид в её футболке, девушка в шёлковом халате, их смех.

«Она же умная, она понимает».

Да, Дэвид. Я понимаю.

Я понимаю, что ты пустота в человеческом облиции. Что у тебя нет ничего, кроме умения находить уязвимых и использовать их. Что ты будешь искать таких, как я, пока не кончатся женщины, которые хотят быть любимыми.

Но я больше не твоя. Я больше не такая...

Вайолет взяла телефон, открыла чат с Дэвидом и набрала: «Завтра прилечу. Нам нужно поговорить».

Ответ пришёл через минуту:

«Я соскучился. Жду».

Она усмехнулась и заблокировала его.

Не сейчас. Пусть подождёт. Пусть понервничает. Пусть теряется в догадках, почему она не отвечает. Пусть почувствует хоть малую часть того, что чувствовала она, когда смотрела на его улыбающееся лицо в своей собственной гостиной.

Завтра она скажет ему всё. Завтра она посмотрит в его пустые глаза и скажет, что знает. А потом закроет эту дверь навсегда.

А сегодня... сегодня она просто посидит у окна и позволит себе злиться.

Злиться — это нормально. Злиться — это правильно. Злиться — это начало пути обратно к себе.

Вайолет проснулась оттого, что за окном кричали чайки.

Она не сразу поняла, где находится. Белый потолок, незнакомая люстра, жестковатая гостиничная подушка и этот крик, пронзительный, нахальный, совсем не похожий на тишину её дублинской квартиры.

Потом память включилась, как удар током.

Конференция. Планшет. Дэвид на её диване. Девушка в шёлковом халате. Их смех.

Вайолет села на кровати и обхватила голову руками. Сердце колотилось где-то в горле, хотя она ещё не сделала ни одного движения. Тело помнило боль раньше, чем сознание успело проснуться.

Она посмотрела на часы. Половина восьмого утра. Рейс в Дублин только вечером, в семь. Целый день в этом городе, в этом номере, наедине с мыслями, которые будут кружить, как стервятники, выклёвывая остатки вчерашнего кошмара.

Она встала, подошла к окну и отдёрнула штору.

За окном была река. Широкая, серая, спокойная. По ней плыли корабли не спеша, с достоинством. На том берегу возвышались величественные здания с башенками и шпилями, похожие на дворцы из старых открыток. А прямо перед окном, на набережной, сутились чайки и редкие прохожие в тёплых куртках, закутанные в шарфы.

Декабрьский Ливерпуль дышал холодом и солью.

Вайолет смотрела на этот пейзаж и чувствовала, как внутри что-то отпускает. Вчерашняя боль никуда не делась, она лежала где-то в груди тяжёлым камнем, но здесь, у этого окна, с этим видом, с этим серым небом, камень казался чуть легче.

— Ну здравствуй, Ливерпуль, — сказала она пустой комнате. — Похоже, мне есть что тебе рассказать.

Она приняла душ дольше обычного. Стояла под горячими струями, пока вода не начала остывать, и смотрела, как пар заволакивает кафель. Мысли в голове были тяжёлыми, вяз-

кими, но постепенно, капля за каплей, они начали обретать форму.

Вытираясь полотенцем, она посмотрела на свою сумку. Там, в боковом кармане, лежало то, что она брала с собой всегда, куда бы ни ехала. Даже когда не планировала фотографировать. Просто на всякий случай.

Профессиональный фотоаппарат. Canon EOS R5 с объективом 24-70 mm. Её мечта, которую она купила год назад и почти не пользовалась. Потому что всегда была занята. Потому что работа, встречи, Дэвид, друзья на фотографию времени не оставалось.

Она купила его в приступе ностальгии по юности, когда в шестнадцать лет мечтала стать фотографом. Мать тогда сказала: «Фотографом? Ты с ума сошла? Это не профессия. Иди учиться на нормальную специальность, чтобы деньги зарабатывать». И Вайолет пошла. На финансы, на менеджмент, на карьеру. А мечту засунула в самый дальний ящик и закрыла на ключ.

Теперь фотоаппарат лежал в сумке и ждал.

Вайолет достала его, повертела в руках. Тяжёлый, холодный, красивый.

— Сегодня ты поработаешь, — сказала она ему. — Сегодня мы идём гулять.

Она оделась тепло: джинсы, свитер крупной вязки, тёплая куртка, шарф, который купила когда-то в магазине на выезде, просто потому что понравился цвет. Волосы собрала в

небрежный пучок, на лицо — минимум косметики. Только крем и чуть-чуть тонального, чтобы скрыть синяки под глазами.

В зеркале отражалась другая Вайолет. Не та, что стояла на сцене перед туристами людьми. Не та, что ужинала в дорогих ресторанах и носила костюмы за тысячу евро. А та, давняя, шестнадцатилетняя, которая хотела снимать мир.

— Привет, — сказала она своему отражению. — Давно не виделись.

Отражение улыбнулось. Почти счастливо.

Она вышла из отеля ровно в девять утра.

Ливерпуль встретил её ветром.

Он дул с реки, пронизывающий, декабрьский, но не злой. В нём чувствовалась соль, вода, дальние страны. Вайолет подняла воротник куртки, поправила шарф и пошла в сторону набережной, куда вели указатели.

Отель оказался прямо в центре. Она вышла на Пир-Хед широкую набережную, с которой открывался вид на реку Мерси. И замерла.

Это было красиво.

Не той стерильной красотой глянцевого журналов, к которой она привыкла. А другой живой, дышащей, настоящей. Серое декабрьское небо, серая вода, белые чайки, чёрные корабли. И на том берегу три знаменитых здания, которые она видела на миллионе фотографий, но никогда не думала, что увидит вживую.

Royal Liver Building с его двумя башенками и мифическими птицами наверху. Купол портового здания. Часы, которые показывали без четверти десять.

Вайолет достала фотоаппарат, включила, настроила. Ручной режим, диафрагма, выдержка пальцы вспоминали то, чему учили двадцать лет назад на курсах, куда она ходила тайком от матери.

Первый кадр река. Второй корабль, медленно плывущий к морю. Третий чайка, застывшая в воздухе, как нарисованная.

Вайолет снимала и чувствовала, как внутри что-то оттаивает.

— Хороший свет сегодня, — раздалось за спиной. — Для декабря редкость.

Она обернулась. Рядом стоял мужчина лет шестидесяти, с такой же фотокамерой на шее, только старой, плёночной, и с огромным рюкзаком за плечами. Седая борода, веснушки на лысеющей голове, добрые глаза. Из рта шёл пар утро было морозным.

— Да, — согласилась Вайолет. — Необычный. Серый, но мягкий.

— Серый — это наш фирменный, — улыбнулся мужчина. — Ливерпульский свет. Все фотографы мира приезжают его ловить. Вы откуда?

— Из Дублина.

— О, Ирландия! — он просиял. — Я там был два раза.

Красиво. Но у нас лучше. — Он подмигнул. — Шучу. У вас свой свет, у нас свой. Я Том.

— Вайолет.

— Очень приятно, Вайолет. Вы в первый раз в Ливерпуле?

— В первый. Вчера прилетела. Должна была быть на конференции, а оказалась здесь.

Том рассмеялся.

— Бывает. Иногда судьба заносит туда, где нам нужнее всего. Ливерпуль просто так не притягивает. Он притягивает тех, кому нужно что-то понять.

Вайолет посмотрела на него с интересом.

— Вы философ?

— Я таксист на пенсии, — улыбнулся Том. — А философия она от безделья. Сидишь дома, смотришь на реку и думаешь. А потом идёшь на набережную с камерой и снимаешь свои мысли. Хотите, покажу город? Я всё равно гуляю. Заодно расскажу, что к чему.

Вайолет секунду поколебалась. Потом кивнула.

— Хочу. Спасибо.

Они пошли вдоль набережной. Том показывал и рассказывал:

— Смотрите направо. Видите три здания? Это наша знаменитая троица: Ливерпуль, порт и церковь. Слева портовое здание, такое большое, с колоннами. В центре Ливер-билдинг, наша гордость. Видите птиц на башнях? Легенда такая:

если они улетят, город рухнет. Но они не улетают, стоят уже сто лет. Как и мы. А справа церковь Святого Николая, наша морская церковь.

Вайолет снимала. Кадр за кадром. Том терпеливо ждал.

— А это что за здание? — спросила она, показывая на огромное строение в викторианском стиле дальше по набережной.

— Это музей «Битлз». Обязательно сходите. Там вся история, как четыре парня из нашего города изменили мир. Им даже памятник поставили вон там, у реки.

Они дошли до причала, где стояли паромы. Над водой стелился лёгкий туман, делая очертания кораблей призрачными.

— Хотите прокатиться? — спросил Том. — Паром через Мерси — это наша классика. Заодно увидите город с воды. В декабре особенно красиво.

— А вы со мной?

— Я уже сто раз катался. Но сегодня могу и в сто первый. Погода хорошая, морозно, но ясно. Для декабря это подарок.

Они купили билеты и поднялись на паром. Вайолет встала у борта, ветер трепал волосы, холод пробирался под куртку, но она не пряталась. Она смотрела, как город удаляется, становится маленьким, игрушечным, а потом снова приближается. Туман играл с огнями, превращая набережную в мираж.

— Знаете, — сказал Том, стоя рядом, я сюда каждый день

хожу. На паром или просто на набережную. Тридцать лет. И каждый раз вижу что-то новое.

— Не надоедает?

— А жизнь не надоедает? — он усмехнулся. — Вы вот снимаете. Думаете, зачем? Чтобы запомнить. Чтобы остановить момент. А я смотрю. Тоже чтобы запомнить. Только глазами.

Вайолет улыбнулась. Впервые за долгое время искренне.

— Вы мудрый человек, Том.

— Я старый человек, — поправил он. — Это не одно и то же. Мудрость приходит не с возрастом, а с опытом. А опыт это когда тебя жизнь била и била, а ты всё равно встаёшь и идёшь дальше. У вас был опыт?

— Был, — тихо сказала Вайолет. — Вчера.

Том посмотрел на неё внимательно, но не стал расспрашивать. Просто кивнул.

— Хотите расскажу одну историю? — спросил он.

— Да.

— У меня была жена. Третья. Я думал, она та, с кем я состарюсь. Мы вместе пятнадцать лет. А потом она заболела. И два года я за ней ухаживал, пока она не ушла. Я думал, что после неё уже ничего не будет. Что жизнь кончилась. А потом понял: жизнь не кончается, пока ты сам не решишь, что она кончилась. Она просто меняется. И люди в ней появляются разные. Но главное не они. Главное вы. Что вы чувствуете, когда остаётесь одна? Страх? Пустоту? Или покой?

— Я не знаю, — честно ответила Вайолет. — Я редко остаюсь одна. Всё время бегу куда-то.

— Вот, — Том поднял палец. — Это и есть проблема. Вы бежите. От себя, от тишины, от того, что внутри. А человек, который бежит, лёгкая добыча. Его легко догнать и легко использовать. Потому что он сам себя не слышит. Ему нужен кто-то снаружи, чтобы сказать, какой он. А внутри пусто.

Слова падали в неё, как камни. Тяжёлые, точные.

— Что же делать? — спросила она.

— Перестать бежать, — просто ответил Том. — Остановиться. Посмотреть на реку. Поснимать. Подышать. Побить с собой. Не с кем-то, а с собой. Страшно сначала будет. Очень страшно. А потом пройдёт. И вы увидите: с собой тоже можно. Даже интересно.

Паром причалил к берегу. Они вышли.

— Спасибо вам, Том, — сказала Вайолет.

— Не за что. Я сегодня тоже кое-что понял. Редко с кем разговариваю. А с вами легко. Может, потому что вы искренняя. Это редкость.

Они обменялись рукопожатием.

— Если будете ещё в Ливерпуле, заходите на набережную. Я часто здесь.

— Обязательно, — улыбнулась Вайолет.

И они разошлись. Том в сторону своего дома, Вайолет дальше, в город.

Она пошла по направлению к центру, куда глаза глядят.

Ноги сами несли её, а камера фиксировала всё, что попадалось на пути.

Узкие улочки с кирпичными домами викторианской эпохи. Граффити на стенах — огромные портреты Джона Леннона, Джорджа Харрисона, местных знаменитостей. Пабы с вывесками, которые помнят, наверное, ещё девятнадцатый век. Магазины, где продают всякую всячину: от магнитов с «Битлз» до настоящих морских карт.

Витрины были украшены к Рождеству. Гирлянды, искусственный снег, олени, Санта-Клаусы. До праздника оставалось меньше двух недель, и город готовился.

Она зашла в маленький магазинчик на Мэтью-стрит. Внутри пахло старыми книгами, деревом и ещё чем-то неуловимо морским. За прилавком сидела женщина лет семидесяти в огромных очках и вязала длинный полосатый шарф.

— Доброе утро, — сказала Вайолет.

— Доброе, — женщина подняла глаза, поправила очки.

— Ищете что-то конкретное или просто смотрите?

— Просто смотрю. Я в первый раз в городе.

— А, туристка, — улыбнулась женщина. — Ну смотрите.

У нас много интересного. Вон там открытки старые, там карты, там книги про Ливерпуль. А это, она кивнула на витрину с магнитами и рождественскими украшениями, для тех, кому нужно увезти кусочек. Берите, что понравится.

Вайолет бродила между стеллажами, рассматривала ве-

щи. Её взгляд упал на старую фотографию в рамке. На ней была девушка в платье начала двадцатого века, стоящая на причале и смотрящая вдаль. Сзади угадывались очертания Ливер-билдинга тогда ещё нового, только построенного.

— Красивая, — сказала Вайолет.

— Моя бабушка, — отозвалась женщина, не отрываясь от вязания. — Ждала жениха с войны. Он не вернулся. А она ждала всю жизнь. Так и не вышла замуж. Говорила: «Я за него замужем, просто он не рядом».

Вайолет посмотрела на фотографию с другим чувством.

— Она не жалела?

— Не знаю. Она умерла, когда мне было десять. Но я помню: она всегда смотрела в окно на реку. И улыбалась. Не грустно, а так... светло. Будто знала что-то, чего мы не знаем.

— Может, знала, — тихо сказала Вайолет.

— Может, — согласилась женщина. — Вы купите что-нибудь?

Вайолет купила старую карту Ливерпуля и маленькую открытку с видом на набережную. Не как сувенир, а как напоминание: есть места, где можно остановиться.

— Счастливого Рождества, — сказала женщина на прощание.

— И вам.

Она вышла из магазина и пошла дальше. Через полчаса оказалась в районе Альберт-Док. Это был старый порт, переделанный в культурный центр. Краснокирпичные здания,

мощёные улочки, кафе, музеи. Вокруг сновали люди с пакетами — предрождественская суэта была в самом разгаре.

Вайолет зашла в кафе на первом этаже одного из старых складов, села у окна с видом на воду, заказала чай и сэндвич. Пока ждала, листала фотографии на камере.

Река. Чайки. Корабли. Том. Паром. Улицы. Граффити. Магазин. Бабушка на старой фотографии.

Они были хороши. Не профессионально, конечно, но в них было что-то живое. То, чего не хватало в её обычной жизни.

— Извините, здесь свободно? — раздался голос.

Рядом стояла девушка лет двадцати пяти с рыжими кудрями, выбивающимися из-под вязаной шапки, и огромной кружкой кофе в руках.

— Тут всё занято, а у вас свободно. Можно присесть?

— Да, конечно, садитесь, — Вайолет кивнула на свободный стул.

Девушка плюхнулась напротив, отхлебнула кофе и уставилась в окно.

— Ненавижу декабрь, — сказала она без предисловий. — Темно, холодно, вечно этот ветер с реки. Но сегодня повезло. Хотя бы не дождь.

— Вы местная? — спросила Вайолет.

— Ага. Родилась, выросла, никуда не уезжала. А вы?

— Из Дублина.

— О, ирландка! — девушка просияла. — У нас в пабе

официантка ирландка. Говорит так смешно. Вы тоже так говорите?

Вайолет рассмеялась.

— Наверное, тоже.

— Я Молли, — представилась девушка.

— Вайолет.

— Красивое имя. Старомодное. Моя бабушка так хотела меня назвать, но мама сказала, что Молли современнее. А я люблю старомодное. У вас есть парень?

Вопрос был таким неожиданным и прямым, что Вайолет растерялась.

— Эм... нет. То есть был. Но больше нет.

— Бросил? — Молли сочувственно наклонила голову.

— Я бросила.

— Молодец, — кивнула Молли. — Значит, правильно. Если бросаешь значит, не твоё. Я своего бросала три раза. И каждый раз возвращалась. Дура была. Теперь всё, завязала. Свободна, как чайка.

Она показала в окно, где как раз пролетала чайка.

— И не жалко?

— А чего жалеть? — Молли пожала плечами. — Он меня не ценил. Я готовила, убирала, работала, а он на диване лежал и говорил, что я пилю. А когда я ушла, он сначала звонил, просил вернуться, а через месяц нашёл другую. Такую же дуру. Теперь она готовит, убирает, работает, а он лежит. И так по кругу.

Вайолет смотрела на эту девушку и удивлялась её мудрости. Двадцать пять, а видит жизнь насквозь.

— Откуда вы это знаете?

— А я в том же районе живу, вижу их иногда. Она уже уставшая ходит, глаза как у рыбы. А он довольный. Значит, схема работает. — Молли допила кофе. — Ладно, мне пора. Работа. Я бариста в кофейне на набережной. Заходите, если что, сделаю вам лучший кофе в Ливерпуле.

— Спасибо, Молли. Обязательно.

Девушка убежала, оставив после себя ощущение лёгкости. Вайолет допила чай, расплатилась и вышла.

Она бродила по городу до самого вечера.

Зашла в музей «Битлз» огромное пространство, посвящённое группе, которая изменила мир. Слушала их песни в наушниках, разглядывала старые фотографии, инструменты, костюмы. И думала о том, как четверо парней из рабочего города стали легендами. Просто, потому что делали то, что любили.

Потом пошла в англиканский собор огромный, величественный, с витражами, от которых захватывало дух. Села на скамью и долго сидела, глядя на свет, льющийся сквозь цветное стекло. В соборе готовились к Рождеству у алтаря уже стояла ёлка, пахло хвоей и ладаном.

Мысли в голове текли медленно, как река Мерси.

Она думала о Дэвиде. О том, как он вошёл в её жизнь, точно зная, куда нажать. О том, как она открылась ему, по-

верила, приняла фальшивку за золото. О том, как бежала от себя, от тишины, от пустоты и попала прямо в руки тому, кто эту пустоту заполнил собой, но не настоящим, а картонным.

Она думала о своей работе. О том, что стала тем, кем стала, не потому что хотела, а потому что так было надо. Потому что надо было доказывать, что она чего-то стоит. Потому что без этого пустота, одиночество, страх.

Она думала о Клэр, о Линде, о Марке о друзьях, которые были рядом, даже когда она их не слышала.

Она думала о Томе, о Молли, о женщине в магазине. О людях, которые встретились ей сегодня и сказали важные слова.

— Можно я тут посижу? — спросила она у пустоты собора.

Пустота не ответила. Но ей показалось, что стало теплее.

Она вышла из собора, когда начало темнеть. Город зажигал огни. Фонари отражались в мокрых от вечерней влаги улицах, витрины светились рождественским теплом, люди спешили по домам с пакетами подарков.

Вайолет поймала такси и поехала в аэропорт Ливерпуля имени Джона Леннона.

В машине она смотрела в окно и прощалась с городом. Ливерпуль уплывал назад, растворялся в темноте, но оставался в ней в фотографиях, в разговорах, в тишине, которую она наконец-то позволила себе услышать.

В аэропорту было многолюдно. Рейсы, чемоданы, объяв-

ления, суэта. Люди спешили на рождественские каникулы, везли подарки, обнимались на прощание. Вайолет прошла регистрацию, сдала багаж и поднялась в зал ожидания.

Зал выходил огромными окнами на лётное поле. Там, в свете прожекторов, стояли самолёты белые, серебристые, с огоньками на крыльях, готовые унести людей в разные концы света. А за ними, вдалеке, угадывалась река. Мерси. Та самая, по которой она плыла утром на пароме.

Вайолет подошла к окну, достала фотоаппарат и сделала последний кадр. Самолёт её авиакомпания на фоне тёмной реки, огни взлётной полосы, декабрьское небо, в котором уже зажглись первые звёзды. Надпись на стене аэропорта гласила: «Над нами только небо» слова из песни Джона Леннона.

Она смотрела на этот кадр и думала о том, что увидела сегодня.

Она увидела, что можно быть одной и не умирать от одиночества. Можно гулять по чужому городу и чувствовать себя дома. Можно разговаривать с незнакомцами и слышать в их словах ответы на свои вопросы.

Она увидела, что всё, что она строила карьеру, отношения, образ успешной женщины — было попыткой убежать от себя. Заполнить пустоту чем угодно: работой, мужчинами, друзьями, покупками. Лишь бы не оставаться наедине с той девочкой, которая когда-то хотела фотографировать, а вместо этого пошла учиться на финансы.

— Прости меня, — сказала она той девочке. — Я так долго тебя не слушала.

В наушниках заиграла песня The Beatles «Пусть будет так». Случайно, по плейлисту, или нет неважно.

Вайолет улыбнулась и посмотрела на самолёт. Он стоял, огромный и спокойный, готовый унести её обратно, в привычную жизнь. Но что-то в этой жизни теперь будет по-другому.

Она не знала, как именно. Не знала, что скажет Дэвиду, когда увидит его. Не знала, как объяснить Клэр, что с ней произошло. Не знала, что будет делать с работой, с карьерой, с планами.

Но одно она знала точно.

Она больше не будет бежать.

Она будет снимать. Смотреть. Слушать. Быть с собой.

И пусть будет так.

Объявили посадку на рейс до Дублина.

Вайолет убрала фотоаппарат в сумку, взяла посадочный талон и пошла к выходу на посадку. У самого выхода она обернулась. В окно был виден самолёт, а за ним — река. Тёмная, спокойная, вечная. Огни на том берегу мерцали, как звёзды, упавшие в воду.

— Спасибо, Ливерпуль, — шепнула она.

И шагнула вперёд.

В самолёте она села у окна. Когда взлетали, смотрела, как огни города становятся всё меньше, превращаются в россыпь

искр, а потом исчезают совсем, растворяясь в облаках. Где-то там, внизу, осталась река, остались люди, осталось утро, которое изменило её.

Она летела домой.

Но дом теперь был не просто квартирой в Дублине. Дом был там, где она сама.

А себя она только начала находить.

Глава 4. Пока падает снег

Самолёт коснулся взлётной полосы дублинского аэропорта в половине девятого вечера. В иллюминаторе мелькали огни жёлтые, белые, красные размытые декабрьским туманом. Вайолет прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как они бегут назад, уступая место темноте.

В салоне зажгли свет, засуетились пассажиры, защелкали багажные отделения. Кто-то уже звонил встречающим, кто-то поправлял одежду перед выходом. Обычная вечерняя суета. Обычная жизнь.

Вайолет сидела неподвижно.

В наушниках всё ещё играла та самая песня, которая застала её в аэропорту Ливерпуля. Она не выключила плеер, и теперь музыку заглушал гул двигателей, но мелодия всё равно пробивалась, пульсировала где-то на грани сознания.

Пусть будет так...

— Девушка, вы выходите? — мужчина в соседнем кресле уже стоял в проходе с сумкой наперевес.

— Да, простите.

Вайолет встала, достала с верхней полки свою сумку, поправила на плече ремень фотоаппарата и пошла к выходу.

В накопителе багажа было многолюдно. Люди толпились у лент, вглядываясь в вылетающие чемоданы. Вайолет нашла свой — небольшой, тёмно-синий, с потёртым углом, который так и не зашила после прошлой поездки. Взяла его и пошла к выходу в город.

Дублин встретил её дождём.

Мелким, холодным, декабрьским. Тем самым, который пронизывает до костей, даже если ты в пуховике и шарфе. Вайолет стояла под козырьком у выхода и смотрела, как капли разбиваются об асфальт. Рядом курили люди, кто-то ловил такси, кто-то обнимался с встречающими.

Она не заказывала такси. Не звонила Клэр. Не писала Дэвиду.

Просто стояла и смотрела на дождь.

Минут через пять она поймала машину, назвала адрес и откинулась на сиденье. Водитель что-то говорил про погоду, про то, что декабрь в этом году особенно сырой, про то, что Рождество скоро, а настроения нет. Вайолет кивала, не слушая. Смотрела в окно, на проплывающие огни, на мокрые улицы, на людей, спешащих по домам.

Город был её. Она знала здесь каждый уголок, каждую улицу, каждый поворот. Но сегодня он казался чужим. Или это она сама была чужой.

Такси остановилось у её дома. Вайолет расплатилась, вы-

шла под дождь, достала ключи. Консьерж кивнул ей, улыбнулся, что-то сказал про позднее возвращение. Она улыбнулась в ответ автоматической улыбкой и вошла в лифт.

Лифт поднимался медленно. Четвёртый этаж. Дверь её квартиры.

Она стояла перед ней с ключом в руке и не могла заставить себя войти.

Потому что там, за этой дверью, был Дэвид.

Он въехал к ней два месяца назад. Тогда это казалось правильным. После её повышения, после премии, после всего почему бы и нет? У него были проблемы с арендой, хозяйка подняла цену, он сказал, что так будет лучше для них обоих. «Мы же команда, правда?»

Она согласилась.

И теперь за этой дверью были его вещи. Его зубная щётка в её ванной. Его ноутбук на её столе. Его футболки в её шкафу. Его запах в её спальне.

Вайолет глубоко вздохнула, вставила ключ в замок и повернула.

В прихожей горел свет.

Дэвид сидел в гостиной на диване на её диване, том самом, который она видела вчера на экране планшета и смотрел телевизор. Звук был выключен, по экрану мелькали какие-то тени.

Услышав, как открылась дверь, он вскочил.

— Вайолет! — голос его звучал взволнованно, почти ис-

пуганно. — Господи, где ты была? Я с ума сошёл! Ты не отвечала на звонки, я звонил в отель, мне сказали, что ты выехала, но рейс не меняла, я уже собирался звонить в полицию...

Он подошёл к ней, хотел обнять, но Вайолет отстранилась. Поставила сумку на пол, сняла куртку, повесила на вешалку. Медленно, спокойно, будто ничего не случилось.

Дэвид замер.

— Что случилось? — спросил он другим голосом. Тише, осторожнее. — Ты какая-то странная. Всё в порядке?

Вайолет повернулась к нему и посмотрела в глаза.

Он был красив. Высокий, подтянутый, с правильными чертами лица и тёплым взглядом. Именно таким она его и запомнила тёплым, понимающим, надёжным.

— Где ты был вчера днём? — спросила она.

Дэвид моргнул.

— Вчера? На работе. А что?

— А вечером?

— Вечером был здесь. Ждал тебя. Ты должна была прилететь, я даже ужин приготовил, а ты не приехала и не отвечала...

— Не надо, — перебила Вайолет. — Не надо врать.

Она прошла в гостиную, села в кресло напротив дивана. Тот самый диван. Интересно, он уже поменял постельное бельё после вчерашнего? Или девушка в шёлковом халате спала на нём, на её простынях, под её пледом?

Дэвид стоял в дверях, не решаясь подойти.

— Вайолет, объясни мне, что происходит? Ты пугаешь меня.

— Я вчера была на конференции, — сказала она ровно. — В перерыве зашла в лаунж-зону, взяла планшет, чтобы посмотреть расписание. И там была открыта трансляция одной из секций. Знаешь, что я увидела?

Дэвид побледнел. Совсем чуть-чуть, на секунду, но она заметила.

— Твою гостиную, — продолжила Вайолет. — Мою гостиную. Мой диван. Тебя на этом диване. И девушку в шёлковом халате у тебя на коленях.

Тишина.

Дэвид смотрел на неё, и Вайолет видела, как в его голове прокручиваются варианты. Как щёлкают шестерёнки, подбирая нужную маску. Сейчас он выберет ту, которая лучше всего работает.

— Вайолет, — сказал он наконец, и голос его дрогнул. — Это не то, что ты думаешь.

— О, правда? — она усмехнулась. — А что я думаю? Расскажи мне. И заодно Расскажи, что это было на самом деле. Потому что я, знаешь ли, сидела и слушала. Я слышала ваш разговор.

Дэвид замер.

— Я слышала, как ты говорил, что тебе нужны мои связи. Мои деньги. Моя квартира. Что я удобный вариант, потому

что не рожу тебе детей и после развода не придётся платить алименты. Что ты планируешь жениться, а через пару лет развестись и поделить всё пополам. Я всё слышала, Дэвид.

Она говорила спокойно. Удивительно спокойно. Будто не о своей жизни, а о чьей-то чужой, прочитанной в книге.

Дэвид стоял, вцепившись в дверной косяк. Лицо его менялось от бледного к красному, от испуганного к злому.

— Ты подслушивала, — выдохнул он.

— Я включила звук на планшете в общественном месте, — поправила Вайолет. — Это называется «услышала». А вот то, что ты делал в моей квартире с другой женщиной, пока я была на конференции — это называется совсем по-другому.

— Это моя квартира тоже! — выкрикнул он. — Я тут живу!

— Два месяца, — кивнула Вайолет. — По моему приглашению. Которое я сейчас отзываю.

Дэвид сделал шаг в комнату. Глаза его сузились, взгляд стал жёстким.

— То есть ты меня выгоняешь? После всего, что я для тебя сделал?

— А что ты для меня сделал? — Вайолет приподняла бровь. — Говорил красивые слова? Слушал мои рассказы? Два месяца ты только брал. Мои связи, мою экспертизу, моё время. А что дал взамен?

— Я дал тебе то, чего ты хотела! — голос Дэвида повысился. — Принятие! Ты сама говорила, что никто тебя не

принимал так, как я! Ты была готова на стенку лезть за эти слова!

— Да, была, — тихо сказала Вайолет. — Потому что мне очень хотелось, чтобы это было правдой. А это была ложь. Всё было ложью.

Дэвид подошёл ближе. Слишком близко. Вайолет почувствовала запах его парфюма тот самый, который когда-то казался ей таким приятным. Теперь от него мутило.

— Ты не понимаешь, — зашипел он. — Ты всё неправильно поняла. Эта девушка просто знакомая, она зашла на минуту, мы просто разговаривали, а ты напридумывала...

— Я слышала, как она сидела у тебя на коленях, Дэвид. Слышала, как ты говорил про развод и алименты. У меня уши есть.

— Ты неправильно истолковала! — он почти кричал. — Мы шутили! Это был просто треп!

— Убирайся, — сказала Вайолет. Голос её дрогнул впервые за весь разговор. — Просто собери свои вещи и убирайся.

Дэвид замер. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. А потом случилось то, чего она не ожидала.

Он рассмеялся.

Нехорошо так, зло, с презрением.

— Ты думаешь, я уйду? — спросил он. — Серьёзно? Ты хоть понимаешь, сколько я вложил в эти отношения? Сколько времени потратил, слушая твои нытьё про детство, про

маму, про то, какая ты несчастная при всей своей успешности? Ты думаешь, я всё это просто так возьму и брошу?

Вайолет смотрела на него и не узнавала. Это был не тот мягкий, понимающий Дэвид, который говорил ей правильные слова. Перед ней стоял чужой человек. Злой, расчётливый, жестокий.

— Ты никуда не пойдёшь, — продолжал он, расхаживая по комнате. — Потому что без меня ты снова останешься одна. А ты этого боишься больше всего на свете. Я знаю тебя, Вайолет. Ты готова терпеть что угодно, лишь бы не быть одной. Ты же сама рассказывала, как в детстве готова была на что угодно, лишь бы мама обратила на тебя внимание. Так и сейчас. Ты будешь терпеть. Потому что я единственный, кто тебя принял. Кто понял. Кто...

— Заткнись, — перебила Вайолет.

Она встала с кресла. Ноги дрожали, но она встала.

— Заткнись, — повторила она. — Ты не принимал меня. Ты использовал мою боль, чтобы мной манипулировать. Ты не слушал меня ты собирал информацию. Ты не любил меня ты строил схему. И теперь, когда я это поняла, твоя схема рухнула. И ты злишься.

Дэвид смотрел на неё с ненавистью.

— Дура, — выдохнул он. — Ты ничего не понимаешь. Ты всегда ничего не понимала. Думаешь, ты такая умная? Такая успешная? Да без своих связей ты никто. Я просто хотел взять то, что ты всё равно не умеешь использовать. У тебя

есть ресурсы, а ты сидишь на них и боишься шевельнуться. Я бы сделал из них что-то стоящее. А ты...

Он не договорил.

Резким движением он схватил с журнального столика её фотоаппарат тот самый, с которым она гуляла по Ливерпулю и швырнул об стену.

Вайолет вскрикнула.

Пластик хрустнул, объектив разлетелся на осколки. Камера упала на пол жалкой грудой обломков.

— Ты с ума сошёл! — закричала она.

— Это ты сошла с ума, — Дэвид уже не контролировал себя. Он метался по комнате, хватал всё подряд и швырял. Ваза, которую Клэр подарила на новоселье, разбилась вдребезги. Книги полетели на пол. Чашка с недопитым чаем опрокинулась на белый ковёр.

— Прекрати! — Вайолет попыталась схватить его за руку, но он оттолкнул её так сильно, что она ударилась спиной о стену.

— Ты меня выгоняешь? — орал он. — Я уйду сам! Но запомни: это ты во всём виновата! Ты! Если бы ты не была такой недоверчивой, такой подозрительной, такой холодной ничего бы не случилось! Это ты меня довела!

Он схватил стул её любимый стул, винтажный, который она искала полгода и с размаху ударил им об пол. Ножка отломилась.

Вайолет стояла, прижавшись к стене, и смотрела на это

безумие. Она не узнавала свою квартиру. Не узнавала этого человека. Не узнавала себя.

В голове билась только одна мысль: «Что я наделала? Как я могла пустить его в свою жизнь? В свой дом? В себя?»

И в этот момент раздался звонок в дверь.

Дэвид замер на секунду. Потом снова рванул к полке, сметая всё на своём пути.

Звонок повторился. Настойчивее, дольше.

А потом в дверь начали колотить кулаками.

— Вайолет! — голос Клэр. — Вайолет, открой! Ты там?

Вайолет рванула к двери, не чувствуя ног. Дэвид попытался её перехватить, но она вывернулась, добежала, отодвинула задвижку, повернула замок.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Клэр. Бледная, запыхавшаяся, в куртке нараспашку, несмотря на декабрьский холод. А за ней — двое мужчин. Марк из IT-стартапа, с которым они иногда виделись в компаниях, и ещё один, незнакомый, крупный, с жёстким лицом.

— Ви! — Клэр ворвалась в прихожую и замерла, увидев Дэвида. Увидев разгром в гостиной. Увидев разбитый фотоаппарат на полу.

— Что здесь происходит? — спросил Марк, шагнув вперёд.

Дэвид стоял посреди гостиной, тяжело дыша. Руки его были сжаты в кулаки, глаза бешеные. Но при виде двоих муж-

чин он как-то сразу сдулся.

— Это не ваше дело, — процедил он. — Это личное.

— Личное? — Клэр шагнула к нему. — Ты посмотри, что ты сделал! Ты ей чуть руку не сломал! Я видела синяк!

— Я её не трогал, — огрызнулся Дэвид. — Она сама упала.

— Врёшь, — спокойно сказал незнакомый мужчина. Голос у него был низкий, уверенный. — Я слышал крик за дверью. И грохот. Собирай вещи и вали.

— Ты кто такой? — Дэвид попытался наехать, но мужчина даже не шелохнулся. Только посмотрел на него сверху вниз, а он был выше Дэвида на полголовы и шире в плечах.

— Я брат Клэр, Шон, — ответил он. — И я сказал: собирай вещи.

Дэвид переводил взгляд с одного на другого. Марк стоял у двери, перекрывая выход. Шон прямо перед ним. Клэр обнимала Вайолет, которая наконец-то разревелась тихо, беззвучно, уткнувшись подруге в плечо.

— Вы пожалеете, — выплюнул Дэвид. — Она вас всех подставит. Она никого не любит, только себя.

— Вещи, — повторил Шон.

Дэвид заметался. Он попытался пройти в спальню, но Шон остановил его:

— Я с тобой. Чтобы ничего лишнего не взял.

Они ушли в спальню. Марк остался в прихожей, поглядывая то на дверь, то на женщин.

— Клэр, — прошептала Вайолет сквозь слёзы. — Как ты... как ты узнала?

— Я звонила тебе весь день, — Клэр гладила её по голове, как маленькую. — Ты не отвечала. Потом вечером набрала и услышала в трубке крики. Ты случайно нажала, наверное. Я сразу поняла, что что-то не так. Позвонила Марку, он позвал Шона. Мы примчались.

— Спасибо, — выдохнула Вайолет. — Если бы не вы...

— Тш-ш-ш, — Клэр прижала её крепче. — Всё хорошо. Мы здесь.

Через полчаса Дэвид стоял в прихожей с двумя чемоданами и пакетом. Шон проконтролировал сборы ни одной лишней вещи, только то, что действительно принадлежало ему. Оказалось, вещей было не так много. Два чемодана одежды, ноутбук, пара коробок с бумагами. Всё, что осталось от двух месяцев совместной жизни.

— Ключи, — сказал Марк.

Дэвид швырнул связку на пол.

— Передумаешь — не звони, — бросил он Вайолет. — Я не прощаю.

— Вали, — коротко сказал Шон, открывая дверь.

Дэвид вышел. Дверь захлопнулась.

Наступила тишина.

Такая гулкая, такая пустая, что Вайолет показалось — она оглохла.

Потом Шон посмотрел на разгромленную гостиную, на

разбитую камеру, на осколки вазы.

— Ну и погром, — сказал он. — Вызвать кого-то утром убрать?

— Я сама, — прошептала Вайолет. — Спасибо вам. Спасибо огромное. Вы даже не представляете...

— Представляем, — Марк подошёл и обнял её за плечи. — Ты как, держишься?

— Не знаю, — честно ответила Вайолет. — Кажется, нет.

— Это нормально, — сказал Шон. — Зато живая. И квартира — это просто вещи. Вещи можно купить новые.

Вайолет посмотрела на разбитый фотоаппарат и снова заплакала.

— Нельзя, — прошептала она. — Это был... он был особенным.

— Почему? — спросила Клэр.

— Потому что сегодня я впервые им снимала. По-настоящему. В Ливерпуле. Я столько лет мечтала, а всё боялась. А сегодня взяла и пошла. И это был лучший день за долгое время. А теперь...

Она не договорила. Клэр обняла её крепче.

— Ничего, — сказала она. — Купим новый. Или этот починим. Главное — ты цела.

Марк и Шон переглянулись.

— Мы пойдём, — сказал Шон. — Если что — звоните в любое время. Клэр знает номер.

— Спасибо, ребят, — Клэр чмокнула брата в щёку. — Вы

спасли ситуацию.

— Не за что. Берегите себя.

Они ушли. Дверь закрылась. И Вайолет с Клэр остались вдвоём посреди разгромленной квартиры.

Они сидели на кухне единственном месте, которое Дэвид не успел разнести. Клэр нашла в шкафу бутылку вина, открыла, разлила по бокалам. Вайолет смотрела на красную жидкость и не могла заставить себя сделать глоток.

— Пей, — сказала Клэр. — Легче станет.

— Ничего не станет легче, — прошептала Вайолет. — Я опять вляпалась. Опять поверила не тому. Опять отдала всё, а получила нож в спину.

Клэр молчала. Ждала.

— Знаешь, что самое страшное? — продолжала Вайолет. — Я ведь чувствовала. С самого начала чувствовала, что что-то не так. Когда он просил помочь с проектом, когда звонил только по делу, когда я приезжала уставшая, а он даже не спрашивал, как я. Я чувствовала! Но я так хотела, чтобы это была любовь... так хотела, что заставляла себя не замечать.

— Это называется газлайтинг, — тихо сказала Клэр. — Я читала. Тебе внушают, что твои чувства — неправильные, что ты слишком много хочешь, что ты всё выдумываешь. И ты перестаёшь себе верить.

— Да, — кивнула Вайолет. — Он говорил: «Ты слишком требовательная». «Ты всё драматизируешь». «Ты не умеешь принимать любовь». И я верила. Думала, правда, я какая-то

не такая.

— Ты такая, — твёрдо сказала Клэр. — Ты та, кто умеет любить. По-настоящему. А он пустота. Он только берёт, потому что внутри у него ничего нет. И никогда не было.

Вайолет подняла на неё глаза.

— Важно то, что ты сейчас будешь делать? — Клэр осеклась.

— Я не знаю, — честно ответила Вайолет. — Я вообще ничего не знаю. У меня работа, квартира в разгроме, фотоаппарат разбит, сердце... не знаю, есть ли оно ещё.

— Сердце есть, — улыбнулась Клэр. — Оно болит значит, есть.

Они пили вино и говорили. Час, два, три.

Вайолет рассказывала всё про Ливерпуль, про Тома на набережной, про Молли в кафе, про женщину в магазине, про бабушку на старой фотографии. Про то, как снимала реку, и как впервые за долгое время почувствовала себя живой.

— А потом я вернулась сюда, — закончила она. — И всё рухнуло.

— Не всё, — возразила Клэр. — То, что ты чувствовала в Ливерпуле — оно никуда не делось. Оно в тебе. Просто сейчас его заслонила боль. Но оно вернётся.

— Откуда ты такая мудрая? — спросила Вайолет сквозь слёзы.

— Я просто тебя люблю, — Клэр пожала плечами. — И вижу то, чего ты в себе не видишь.

Под утро они уснули на диване — том самом, который теперь вызывал у Вайолет только отвращение. Клэр принесла плед, укрыла их обеих, выключила свет.

— Клэр? — позвала Вайолет в темноте.

— М-м?

— Спасибо, что пришла.

— Всегда пожалуйста, — ответила Клэр. — Спи.

Вайолет закрыла глаза. И впервые за долгое время провалялась в сон без сновидений.

Утро было серым и холодным.

Вайолет проснулась оттого, что затекло плечо. Она лежала в той же позе, в какой уснула — на боку, поджав ноги. Рядом спала Клэр, раскинувшись звёздочкой и посапывая.

Вайолет села, посмотрела на разгромленную комнату. При дневном свете всё выглядело ещё хуже. Осколки на полу, перевёрнутая мебель, разбитая камера в углу.

И вдруг ей стало смешно.

Она засмеялась тихо, чтобы не разбудить Клэр, но не могла остановиться. До слёз, до истерики.

— Ты чего? — сонно пробормотала Клэр, открывая глаза.

— Смотрю на это безобразие и думаю: как я вообще до такого докатилась? — сквозь смех ответила Вайолет. — Я, взрослая женщина, с квартирой, с работой, с дипломом МВА и позволила какому-то козлу разнести мою гостиную.

— Ну, не каждый день такое бывает, — Клэр села, потянулась. — Зато теперь есть что вспомнить.

— О да, — Вайолет вытерла слёзы. — Буду внукам рассказывать: а вот однажды ваш дедушка, вернее, не дедушка, а один козёл...

Они рассмеялись обе.

Потом Клэр встала, прошла на кухню, поставила чайник. Вернулась с двумя кружками.

— Слушай, — сказала она серьёзно. — Я сейчас уйду, но ты должна мне кое-что пообещать.

— Что?

Клэр села напротив и посмотрела ей прямо в глаза.

— Ты больше никогда не будешь искать любовь на стороне. Не у мужчин, не у начальства, не у коллег, не у друзей. Ни у кого. Ты будешь искать её внутри себя.

Вайолет молчала.

— Ты всю жизнь пытаешься заслужить любовь, — продолжала Клэр. — Сначала у друзей, потом у начальников, потом у мужиков. Ты думаешь: вот я сделаю то, буду такой, докажу и меня полюбят. А так не работает. Любовь — это не награда за достижения. Это состояние. И оно начинается с тебя.

— А если я не умею? — тихо спросила Вайолет. — Если я не знаю, как это любить себя?

— Учись, — просто сказала Клэр. — Начни с малого. Скажи себе утром: «Я хорошая». Сделай что-то для себя, а не для других. Посмотри на себя в зеркало и не ищи недостатки. Это тренируется.

Вайолет смотрела на подругу и видела в её глазах такую уверенность, такую веру, что не поверить было невозможно.

— Обещаю, — сказала она. — Попробую.

— Не попробуешь, а сделаешь, — поправила Клэр. — Прямо с сегодняшнего дня.

Вайолет кивнула.

— С сегодняшнего дня.

Они убрали квартиру вместе. Собрали осколки, выбросили то, что нельзя было починить, расставили по местам уцелевшую мебель. Разбитый фотоаппарат Вайолет положила в коробку — вдруг получится отдать в ремонт.

Клэр ушла ближе к обеду, поцеловав её на прощание.

— Звони в любое время, — сказала она. — И помни: ты не одна.

— Знаю, — улыбнулась Вайолет. — Спасибо.

Оставшись одна, она прошлась по квартире. Вроде чисто, вроде прибрано. Но чувствовалось, что здесь что-то случилось. Воздух был другой тяжёлый, спёртый.

Вайолет открыла окно. Впустила декабрьский холод.

И вдруг поняла: она не боится.

Не боится одиночества. Не боится того, что будет дальше. Не боится смотреть на разбитую камеру и думать, что когда-нибудь купит новую.

Странное, непривычное чувство.

— Я справлюсь, — сказала она вслух. — Я всегда справлялась. Просто раньше я думала, что справляться нужно в

одиночку. А теперь знаю: можно просить помощи. Можно доверять тем, кто этого заслуживает. И можно быть одной и не умирать от этого.

Она закрыла окно и пошла на кухню — пить чай.

Следующие две недели до Нового года пролетели как в тумане.

Вайолет ходила на работу, делала дела, встречалась с коллегами. В офисе царил предновогодняя суета: все доделывали отчёты, закрывали проекты, украшали офис мишурой и планировали корпоративы.

Её вызывал Бреннан.

— Вайолет, — сказал он, когда она зашла в кабинет. — Я слышал, у тебя были какие-то проблемы личного характера. Если нужно время — скажи.

— Спасибо, мистер Бреннан, — ответила она. — Всё в порядке. Я справляюсь.

— Ты уверена?

— Уверена.

Он посмотрел на неё внимательно и кивнул.

— Хорошо. Тогда давай обсудим твои планы на следующий год. Есть пара интересных проектов...

Работа отвлекала. Вайолет погружалась в цифры, в графики, в презентации, и это спасало. Вечерами она возвращалась домой, пила чай, смотрела фильмы. Никому не звонила. Ни с кем не встречалась, кроме Клэр.

Они виделись почти каждый день. Ходили в кафе, бро-

дили по рождественскому Дублину, разглядывали витрины. Клэр рассказывала о своей работе, о новых знакомствах, о планах на Новый год.

— Ты с нами, — сказала она как-то. — Мы едем в загородный дом. Родители, братья, собаки. Будет шумно, весело и много еды. Отказа не принимаю.

— Клэр, я не хочу мешать...

— Ты не мешаешь. Ты — часть семьи. Мама уже спрашивала, что ты любишь из еды. Сказала, что испечёт свой знаменитый яблочный пирог.

Вайолет почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Почему? — спросила она. — Почему вы все так ко мне?

— Что — так?

— Хорошо. По-доброму. Просто так.

Клэр посмотрела на неё с бесконечной нежностью.

— Потому что ты этого заслуживаешь, глупая. Просто по праву рождения. Каждый человек заслуживает любви. Даже если ему всю жизнь внушали обратное.

Вайолет молчала, глотая слёзы.

— Я приеду, — сказала она наконец. — Спасибо.

Тридцать первого декабря они выехали из Дублина около полудня.

Машина Клэр старенький «Фольксваген», забитый пакетами с подарками, коробками с едой и свёртками весело та-рахтел по загородной дороге. За окном проплывали зелёные

поля, редкие деревья, маленькие деревушки с уютными домиками.

— Это час езды, — объясняла Клэр. — Дом родителей в графстве Уиклоу, там очень красиво. Горы, озера, леса. Летом вообще сказка, но и зимой хорошо.

Вайолет смотрела в окно и чувствовала, как внутри разливается тепло. Странное, непривычное чувство спокойствия.

— Клэр, — спросила она, — а какие твои родители?

— Мама — зажигалка, — улыбнулась Клэр. — Вечно что-то организует, всех опекает, кормит до упаду. Папа тихий, но с чувством юмора. Любит сидеть у камина с книжкой и делать вид, что не замечает маминой суеты. На самом деле всё замечает и тихо посмеивается. Братья Шона ты видела, он старший, серьёзный. А ещё есть Дилан, он младше меня, учится в Голуэе, вечно в телефоне, но хороший парень. И собаки две, рыжие и глупые.

— Здорово, — тихо сказала Вайолет. — У вас настоящая семья.

— Ага, — Клэр покосилась на неё. — У тебя тоже будет. Когда-нибудь. Если захочешь.

— Я не знаю, как довериться теперь, — призналась Вайолет.

— Научишься, — уверенно сказала Клэр. — Мы научим.

Дом оказался большим, старым, сложенным из серого камня. Он стоял на холме, окружённый голыми зимними деревьями, и от него веяло таким уютом, что Вайолет сразу за-

хотелось войти внутрь.

Из трубы шёл дым. В окнах горел тёплый свет. На крыльце сидели две рыжие собаки, которые при виде машины вскочили и с лаем бросились навстречу.

— Приехали! — объявила Клэр, паркуясь. — Вылезай, знакомиться с семейством.

Вайолет вышла из машины и глубоко вдохнула. Пахло дымом, хвоей и чем-то вкусным кажется, выпечкой.

Дверь дома распахнулась, и на крыльцо выбежала женщина лет шестидесяти, круглолицая, румяная, в цветастом фартуке поверх тёплого свитера.

— Клэр! Девочка моя! — закричала она, сбегая по ступенькам. — А мы заждались! Пирог уже готов, Шон дрова колет, Дилан опять в телефоне сидит, а папа делает вид, что помогает, а сам только мешается!

Она подбежала, обняла Клэр, расцеловала в обе щеки, а потом повернулась к Вайолет.

— А это, значит, Вайолет! — она протянула руки и сгребла её в объятия раньше, чем Вайолет успела что-то сказать. — Какая красивая! Какая худенькая! Совсем не кормят тебя в этом Дублине! Ничего, мы откормим! Проходи, проходи, не стой на морозе!

Вайолет, ошеломлённая таким приёмом, позволила увлечь себя в дом.

Внутри было тепло, пахло яблоками и корицей, в камине трещали дрова. Из большой комнаты доносились голоса,

смех, лай собак.

— Папа! — крикнула Клэр, скидывая куртку. — Принимай гостей!

Из гостиной вышел мужчина в очках, с седой бородкой и добрыми глазами. Он улыбнулся, пожал Вайолет руку.

— Добро пожаловать, Вайолет. Я Патрик, отец этого безобразия. Рад познакомиться. Клэр столько о вас рассказывала.

— Надеюсь, только хорошее, — улыбнулась Вайолет.

— Только хорошее, — подтвердил он. — Проходите, грейтесь. Скоро будем ужинать.

В гостиной у камина сидел Шон — тот самый, что выгнал Дэвида. Он кивнул Вайолет:

— Привет. Рад, что приехали.

— Спасибо ещё раз, — сказала Вайолет. — За ту ночь. Я даже не знаю, как благодарить.

— Не надо, — отмахнулся Шон. — Любой бы на нашем месте так сделал.

— Не любой, — тихо сказала Вайолет. — Но спасибо.

Рядом с ним на диване сидел молодой парень, уткнувшийся в телефон. Клэр подошла и выхватила телефон у него из рук.

— Дилан! Хватит сидеть! Поздоровайся с гостьей!

— Ай, отдай! — взвыл парень, но потом увидел Вайолет, смутился и встал. — Привет. Я Дилан. Извините, зачитался.

— Чем зачитался? — скептически спросила Клэр.

— Литературой! — возразил Дилан. — Я, между прочим, на филолога учусь.

Вайолет улыбнулась. Она вдруг почувствовала себя так легко, как не чувствовала давно. Никто не ждал от неё ничего особенного. Никто не оценивал. Просто были люди, которые рады её видеть.

— Идите все к столу! — закричала миссис О'Брайен из кухни. — Ужин готов!

Застолье было долгим, шумным и очень вкусным.

Миссис О'Брайен — Мэри, как она просила себя называть наготовила столько, что можно было кормить полк. Жареная индейка, картошка с розмарином, овощи, несколько салатов, домашний хлеб, пироги, пудинги. Вайолет ела и нахваливала, а Мэри подкладывала ещё и приговаривала:

— Ешь, деточка, ешь! В Дублине так не кормят! Вон какая худенькая!

Патрик рассказывал истории из своей молодости, Шон вставлял комментарии, Дилан иногда поднимал глаза от телефона, чтобы поспорить с сестрой. Собаки крутились под столом, выпрашивая кусочки.

— А как вы познакомились? — спросила Вайолет у Мэри и Патрика.

— О, это смешная история, — Мэри засияла. — Я работала в библиотеке, а он пришёл брать книги. Такой серьёзный, в очках. Я ему посоветовала одну книгу, он взял. А через неделю пришёл за следующей. И так каждый раз. А потом

я поняла, что он читает по книге в день, и если так пойдёт, то через месяц вся библиотека закончится. Пришлось брать дело в свои руки.

— Я сам хотел пригласить её в кино, — вставил Патрик. — Но боялся. Два месяца ходил в библиотеку, книги брал, которые мне были не нужны.

— Какие, например? — спросила Клэр.

— Справочник по разведению кроликов, — признался Патрик. — Я кроликов терпеть не могу.

Все засмеялись.

— А потом она сама меня пригласила, — закончил он. — Сказала: «Молодой человек, если вы хотите со мной встречаться, то так и скажите, а если нет, то перестаньте брать книги, которые вам не нужны, у нас ограниченный фонд».

— И сколько вы вместе? — спросила Вайолет.

— Тридцать семь лет, — ответила Мэри. — И каждый день как первый.

Вайолет смотрела на них и чувствовала, как щиплет в глазах. Вот она настоящая любовь. Не та, которую нужно заслужить. Не та, которую дают за что-то. А та, которая просто есть. Которая живёт в мелочах, в шутках, в совместных ужинах, в умении посмеяться над собой.

— Ты чего? — тихо спросила Клэр.

— Ничего, — Вайолет улыбнулась сквозь слёзы. — Просто... красиво.

После ужина все переместились в гостиную к камину. Мэ-

ри разливала чай с пирогом, Патрик разжигал огонь посильнее, Шон достал гитару.

— О, начинается, — закатила глаза Клэр. — Сейчас будет петь.

— Не нравится — не слушай, — обиделся Шон, но взял аккорд.

Он заиграл что-то старое, ирландское, грустное и красивое. Мэри подпевала тонким голосом, Патрик кивал в такт. Дилан отложил телефон и тоже слушал.

Вайолет сидела в кресле, укутавшись в плед, и чувствовала, как внутри разливается тепло. Настоящее, глубокое, идущее откуда-то из самой сердцевины.

— Спойте что-нибудь весёлое, — попросила Клэр. — А то загрустим все.

Шон заиграл другую быструю, плясовую. Мэри вскочила, схватила Патрика за руку и потащила танцевать. Он упирался, делал вид, что не хочет, но глаза его смеялись.

— Давай, папа! — кричал Дилан. — Покажи класс!

И Патрик показал. Они танцевали вдвоём посреди гостиной немолодые, неловкие, но такие счастливые, что Вайолет не могла отвести глаз.

— Видишь? — шепнула Клэр. — Вот так это бывает. Не в ресторанах с шампанским, не в дорогих отелях. А вот так дома, под гитару, с пирогом и чаем.

— Вижу, — кивнула Вайолет. — Я никогда такого не видела.

— Теперь будешь видеть часто, — пообещала Клэр. — Если захочешь.

Без четверти двенадцать все вышли во двор.

Ночь была морозной, звёздной, тихой. Деревья стояли чёрными силуэтами на фоне тёмно-синего неба, снег первый в этом декабре начал падать крупными, ленивыми хлопьями.

Мэри раздала всем по бокалу шампанского. Даже Вайолет, хотя она отнекивалась.

— Пей, деточка, — сказала Мэри. — Новый год — это время чудес. А без шампанского чудес не бывает.

Собаки носились по двору, ловя снежинки. Дилан пытался снять их на телефон. Шон стоял чуть поодаль, задумчивый. Патрик обнимал Мэри за плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.